

ДОЧЬ МОЛОЧНИКА.

ИСТИННАЯ и ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ

П О В Ъ С Т Ъ .

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

Второе изданіе.

Печатано въ первый разъ въ Ежемѣсячномъ изданіи Другъ Юношества, въ 1813мъ году, въ двухъ книжечкахъ въ Ноябрь и Декабрь мѣсяцахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

Въ Типографіи Н. С. Всеволожскаго.

1815.

**Печатаюшь дозволяешся, Москва Декабря 3 дня, 1813 года
Медицины Докшоръ и Професоръ П. О.**

ВАСИЛІЙ КОТЪЛЬНИЦКІЙ.

ДОЧЬ МОЛОЧНИКА,

Истинная и занимательная повѣсть.

Въ пяти частяхъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ничто не можетъ быть упѣшительнѣе, какъ познавать и открывать дѣйствія Вышней Благости, такъ какъ являющяся они въ свойствахъ и въ жизни истинныхъ чадь Божіихъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчается, что по большей части въ людяхъ, самага бѣднѣйшаго сосоянія, блистають небесная благодать, свидѣтельствующая о Господѣ Иисусѣ Христѣ въ нихъ обитающемъ. Между ими-то владычествуютъ искренность и простосердечіе Христіанскія; они свободны отъ оковъ, кои недопускають разуму предасться {духовному, и кошорыми, по большей части, связаны мудрые знашныя мѣра сего. Сїи послѣдніе должны превозмогать безчисленныя препоны, богашствомъ, обязанностями общества, гордымъ свѣтомъ, и наконецъ высокими связями имъ прошивопоставляемыя, ежели захошяць предасться Религіи.

Есть однакожь таковыя счастливыя, кои съ помощію благодапи, одержали побѣду надъ гордоспїю и высокоумїемъ, надъ суепою, роскошью и надъ всѣми мнѣніями свѣшлюбцевъ, самихъ себя, въ любомудрїи, цѣломудрїи и въ преданїи себя и сердца своего духовному; но вообще кто хочеть видѣть Религію во всей ея силѣ и непорочности, пошъ долженъ искать ее между бѣдвѣйшими, но смыслу мїра сего, но богатыми вѣрою. Какъ часто хижина бѣднаго являетъ черпогъ самаго Бога? Мы паспыри, мы чистосердечно должны признашья, что опшуда получили сильнѣйшія уроки вѣры и надежды, и что шамъ были мы свидѣтелями разипельнѣйшихъ доказательствъ мудрости, могущества и благости Всевышняго!

Описанїе особы, съ копорю хочу я познакомшъ моихъ читашелей и обспояшельсшва жизни ея, здѣсь мною предлагаемая, супъ справедливы. Случай, по копорю сдѣлалась она мнѣ извѣсною, есть писмо, писанное ею ко мнѣ и списанное мною опъ слова до слова.— Вошъ оно:

Милостивый Государь!

Принимаю смѣлоспъ къ вамъ пишашъ, копорю проспите мнѣ; ибо я никогда не говаривала съ вами; но я слышала, когда вы сказывали проповѣдь въ церквѣ.— Я почишаю васъ, по испинѣ, за проповѣдника, посланнаго возвѣстшъ грѣшникамъ, чшобъ

они поспѣшили убѣгатьъ гнѣва, неминуемаго всѣмъ тѣмъ, кои проводятъ жизнь въ беззаконіяхъ и умирають не раскаявшись. Продолжайте ваше дѣло съ помощію Вышняго; да благословитъ и да увѣнчаетъ Онъ благодѣльные подвиги ваши, и да пріобрѣтетъ вамъ въ награду многія души!

Господь обѣщаль пребыть до конца вѣка съ тѣми, коихъ Онъ избралъ и послалъ проповѣдывать слово Его; ибо безъ Него мы ничего створить не можемъ. Я чрезвычайно была удивлена, услышавъ о оказанномъ вами челоуѣколюбіи бѣдному солдату С. Д. милиціи. Конечно любовь ваша ко Господу Иисусу Христу привела васъ къ сему несчастному; да царствуетъ она на всегда въ сердце вашемъ и да поражаетъ вѣру; да побудитъ она васъ къ исканію заблуждающихся душъ грѣшниковъ, чтобы съ пламеннымъ усердіемъ употребить себя на пользу ихъ во славу Христа Спасителя! да произведетъ Онъ чувства сердечнаго сокрушенія въ сердцахъ слушателей вашихъ, и да исполнятся они желанія содѣлаться новыми пварями во Христа Иисуса!

Не переставайте, М. Г.! возсылать пламенные молитвы, ко престолу Царя Царей, о томъ, чтобы Онъ удостоилъ обратиться грѣшниковъ; — Онъ Всемогущъ — кто можетъ возропироваться Ему! Онъ обѣщаль внимать моленіямъ чистой вѣры, возсылаемымъ къ Нему во имя Сына Его. *Просите и дастся вамъ.* — Вошь

слова долженствующія убѣдить насъ въ эшой истинѣ; ибо онѣ научають насъ, какимъ образомъ должно просить. О! сколь эта надежда усладить омягченный нашъ духъ, когда разсмотримъ мы со вниманіемъ все обѣщанное Богомъ! какая благодать воцарится въ насъ, когда мы запечатаемъ въ сердцахъ нашихъ Христа и Его воскресеніе! Вѣруя во Іисуса, мы оживотворяемся надеждою въ ожиданіи; что близко по время, въ которое всѣ познають и падутъ предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и когда всѣ племена земныя въ одинъ день возстануть.

Сколь будемъ мы тогда счастливы, когда узримъ Царствіе Христова! Тогда - по будешь воля Его яко на небеси, и земли,! Тогда хлѣбъ насущный чловѣкамъ будешь манною Его любви и онѣ будешь благоденствовать въ Господѣ;— будешь наслаждаться раемъ въ сей юдоли земной! Какимъ душа моя объемлется возхищеніемъ и какою исполняется силою слѣдовать заповѣдямъ Божіимъ, чтобы удостоиться тогда принести жершву хвалы во славу Бога и Агнца!

М. Г.! Въ прошедшее Воскресенье начала я письмо сіе, для того, что не могла придти въ церковь. Любезная и единственная моя сестра, находящаяся въ услуженіи у госпожи..., въ то время очень занемогла; мнѣ должно было заступитъ ей мѣсто. а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣшь объ ней

попеченіе; но теперь ее уже ишь на свѣтѣ; иначе бы я васъ усердно просила отвѣчать на письмо мое для нее, по той причинѣ, что она сильно была пронуша прошедшею развратною своею жизнію, и тѣмъ, что не исполняла заповѣдей Господнихъ, и не старалась о угожденіи Ему, и ошъ искренняго сердца желала переменить образъ своей жизни. Сіе - по самое исполняетъ сердце мое сладкою надеждою, что она наследовала царство вѣчной славы, и соединилась съ хорами Ангеловъ, для того, чтобы вмѣстѣ съ ними воспѣвать Искупителя. Я смѣю, кажется, сказать теперь, *Блаженъ тотъ, кто умираетъ о Господѣ!*

Она изъявила желаніе причаститься Святыхъ Таинъ. Я, по возможности, старалась объяснить ей о важности соединенія сердца съ Богомъ; но усилившаяся слабость ея, не допустила ее отвѣчать мнѣ, однакожь до послѣдней минушы она предала себя совершенно Христу, и я надѣюсь, что по разлукѣ съ браннымъ и незаконнымъ міромъ, она соединилась съ Богомъ.

Ласкаюсь надеждою, что вы, М. Г.! не вѣните себя въ обиду, что бѣдная, необразованная, приняла смѣлость къ вамъ писать; и увѣрена, что вы будучи призваны поучать незаконныхъ и возвѣщать имъ волю Божію, не только простите мнѣ, но и удостоите вашего отвѣта и вашихъ наставленій, какъ бы не было не складно написано письмо мое. — Бошь

единственное желаніе моего сердца: удостоишься пріобрѣсти пошь духъ, который обиталь во Христѣ, дабы возстать въ Его подобіе — и тогда я буду счастлива!

Сестрѣ моей очень хотѣлось, чтобы вы присудствовали на ея погребеніи. Нашему приходскому священнику едва ли можно будешь тушь находиться. Ее похоронять въ... Она скончалась во вторникъ, по утру, а погребеніе будешь въ пятницу или въ субботу въ три часа послѣ обѣда, въ кошорой нибудь изъ сихъ дней. Сдѣлайте милость увѣдомьте чрезъ посланнаго, можете ли вы удовлетворить ожиданіе недѣспойной вашей служанки.

Елисаветы В — Е.

Я былъ чрезвычайно пронуть, проспымыъ но пылкимъ слогомъ благочесстія, которымъ дышало эшо письмо; и не взирая на шо, что написано было дурнымъ почеркомъ и безъ правописанія, но оно произвело во мнѣ чувства уваженія къ шой неизвѣстной мнѣ особѣ, которая написала его, и служило убѣдительношымъ доказательствомъ того, что человекъ самаго низкаго сослоянія, можешь достигнуть вышшей степени благочесстія. Таковымъ письменнымъ отношеніемъ восхищался я въ душѣ моей шѣмъ паче, что люди такоого рода въ нашемъ околоркѣ рѣдки, и желаль, чтобы переписки такоого роду были одобряемы, и дѣлались болѣе и болѣе обы-

книженными между нами. Къ сѣму желанію побуждають меня пользы и для меня столь же важныя, какъ и для другихъ. Разговоръ, равно' письменный какъ и словесный, съ бѣдными благочестивыми всегда поощряль мѣня исполнять мои обязанности, и сообщалъ мнѣ знанія весьма нужныя сану проповѣдника Евангелія. Прочитавъ письмо сіе, я спросилъ, кто принесъ его? Тотъ, который принесъ, дожидается за воротами, ошвѣчали мнѣ.

И вышелъ, чшобы поговорить съ нимъ— и увидѣль почтеннаго сшарца; длинныя бѣлыя его волосы, и лице, изрытое глубокими морщинами, поселили во мнѣ глубокое къ нему уваженіе. — Онъ спояль облокотясь на рѣшетку — слезы текли ручьями изъ глазъ его. Когда я подошелъ къ нему, то онъ изъявля мнѣ чувства глубокаго почшенія, сказалъ: «М. Г! Я самый тотъ, который принесъ къ вамъ письмо отъ моей дочери; но боюсь, чшобы не вмѣнили вы намъ въ дерзость, чшобы причинили вамъ столько безпокойства.»

«Ни мало! ошвѣчалъ я, вмѣсто того почшу особеннымъ удовольствіемъ, ештли въ семъ случаѣ окажу вамъ какую-либо помощь, или кому бы то ни было изъ семьи швоей, лишь бы только она не прошивна была вашему приходскому священнику.»

«Вчера, М. Г.! онъ сказалъ мнѣ, чшобы весьма будетъ доволенъ, ештлибъ кто

нибудь другой изъ священниковъ заступилъ въ семь случаѣ его мѣсто — по гребсти мою дочь; попому, что въ самой тогъ день онъ опозванъ въ другое мѣсто. Когда съ симъ извѣспіемъ пришелъ я къ моей дочери, то она сказала мнѣ, чтобы я шелъ съ письмомъ прямо, М. Г.! къ вамъ и просилъ васъ.» Я позвалъ его къ себѣ въ домъ, и спросилъ:

« Чѣмъ ты занимаешься? »

« Большую часть жизни моей провелъ я въ хижинѣ въ одной деревнѣ..., находящейся отсюда въ шести миляхъ разстояніемъ. Тамъ нанимаю я нѣсколько десятиновъ земли, на которыхъ пасу нѣсколько коровъ; съ присокупленіемъ обыкновенной работы и пашни, эшо доставляетъ мнѣ возможность кормить и воспитывать мое семейство. »

« А какъ велико швое семейство? »

« Я имѣю жену престарѣлую, которая уже не въ силахъ работать; еще сына и дочь; а другая моя дочь оставила здѣшній злой мѣръ. »

« Въроятно, для того, чтобы переселиться въ лучшей, надѣюсь? »

« Надѣюсь и я. Несчастная дочь! она не хотѣла идти шѣмъ добрымъ путемъ, по которому идетъ ея сеспра; но я надѣюсь, что убѣжденія, употребленныя, сей послѣдней, въ то время, когда лежала она на одрѣ смертномъ, послужили способомъ къ спасенію ея души. О! какое счастье

имѣшь такую дочь, какую я имѣю! прежде и я не думалъ по шомъ, сколь важно имѣшь о душѣ попеченіе; но дочь моя привела меня въ чувства и убѣдила пещись объ избавленіи себя отъ будущаго наазанія.»

« Какихъ лѣтъ твои дѣти? »

« Сынъ тридцати пяти лѣтъ, дочь около тридцати, а покойная была двадцати семи лѣтъ. »

« А тебѣ сколько лѣтъ отъ рожденія? »

« Уже слишкомъ семдесятъ лѣтъ, а жена моя гораздо меня шарѣе. Мы часъ отъ часу шарѣемъ, силы наши ослабѣваютъ, и мы дѣлаемся неспособными къ работѣ. Дочь оставила свое мѣсто, собственно для того, чтобы имѣшь попеченіе объ насъ и объ нашемъ молочномъ заведеніи. Ахъ! сколь она добра, покорна и усердна! »

« Всегда ли она была такъовыхъ свойствъ? »

« Нѣтъ, М. Г.! когда очень была молода, то сврасшно любила свѣтъ, забавы, наряды, гулянья, правду сказать, всѣ мы были совершенные безумцы, и думали, что ежели снискиваемъ себѣ пропитаніе честнымъ, не обиднымъ, ближнему, образомъ, то сего уже и довольно для полученія царства небеснаго. Дочери наши вели жизнь незаконную, и равнымъ образомъ не знали закона Божія и благодати Имъ обѣщанной; но старшая, будучи въ услугахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, слышала проповѣдь, говоренную въ церквѣ.... Однимъ священникомъ, кошорому должнр

было отправишься въ колоніи... и съ того времени она совершенно перемѣнилась — посвятила себя чтенію библіи, и сдѣлалась благоразумною и скромною во всѣхъ отношеніяхъ. Увидѣвшись съ нами въ первой разъ послѣ своей перемѣны, она принесла къ намъ гинею, сбереженную ею изъ получаемого жалованья, сказавъ: что такъ какъ мы приближились къ старости, то намъ и нужна помощь; прибавила къ тому, что она не хотѣла употребить ее такъ, какъ употребляла прежде на наряды, которые ни къ чему болѣе не служатъ, какъ токмо пишаютъ гордость и пышность, и что для насъ несравненно пріятнѣе изъявить шѣмъ самымъ признашельность своимъ любезнымъ родителемъ; ибо Христомъ явилъ ей несчетныя благости.»

«Таковыя ея слова привели насъ въ чрезвычайное удивленіе, и мы упѣшились ею, потому, что нравъ ея сдѣлался самымъ крошечнымъ, поведеніе самымъ любезнѣйшимъ, и она изъявила желаніе помогать намъ всѣми, какъ душевными силами, такъ и шѣлесными. И такъ ея разположеніе споль было оплично опъ прежняго, что при всей нашей безпечности и при всемъ безуміи, мы начали вѣрить, что должно необходимо быть чему — нибудь существенному въ Религіи, безъ чего, въ споль короткое время, не могла бы воспослѣдовать никакая съ нею перемѣна.»

« Жалкое швореніе! меньшая ея сестра въ это время смѣялась, дѣлала ей множество насмѣшекъ и говорила: что правила сїи повредили ей голову. Нѣтъ, милая! говорила Елисавета, сердце мое отшрашилось отъ любви къ порокамъ къ любви Богу. Желая отъ всего сердца, чшобы когда нибудь и ты, пакъ какъ и я, возчувствовала опасность и суешность наспоющаго своего состоянїя. »

На сїе жалкая сестра отвѣчала ей: я не имѣю нужды въ твоихъ проповѣдяхъ, потому что я дѣлаю не хуже другихъ — сего и довольно. — « Хорошо, сестрица! говорила ей Елисавета, ежели ты уже не хочешь моихъ поученій, по крайнѣй мѣрѣ ты не можешь мнѣ препятствовать молиться о тебѣ, что самое дѣлаю я отъ всего сердца моего. »

« И теперь, М. Г.! я думаю, что молитвы ея услышаны, потому что Елисавета, когда сестра ея сдѣлалась больна, пошла къ Господѣ... , чшобы за нее служить, а вмѣстѣ съ шѣмъ имѣшь и объ ней попеченіе. Весьма часто говорила она ей о душѣ, и жалкая дѣвушка была споль глубоко пронута грѣхами протекшихъ дней жизни своей, и принимала съ такою благодарностію всѣ ея наставленія, что Елисавета замѣшила великую надежду ко спасенію ея души. Когда же мы съ женою пришли навѣстить больную, то она сказала намъ, что сердечно соболѣзнуешь, вспоминая о

образъ той жизни, которую проводила, и надѣясь, что Спаситель сестры ея будетъ и ея Спасителемъ; что она въ полной мѣрѣ чувствуетъ свои вины, отъ которыхъ безъ Его помощи освободиться не можетъ, и что неминуемо должна обратиться ко Христу, какъ къ единственному прибѣжищу. »

« Теперь, М. Г.! ее нѣтъ уже въ здѣшнемъ мѣрѣ; но я надѣюсь, что молишвы, кои сестра ея возсылала ко престолу Всемогущаго о ея обращеніи, будутъ услышаны во изъявленіе милости бѣднымъ ея родителямъ. »

Разговоръ сей былъ живѣйшимъ объясненіемъ полученнаго мною письма, и произвелъ во мнѣ желаніе исполнить прозьбу въ немъ изображенную, познакомиться съ шною особою, которая писала его, и дать обѣщаніе доброму старцу придти къ немъ въ назначенный день и часъ. Пошомъ, послѣ нѣсколькихъ еще минушъ моего съ нимъ разговора, разстроганный старецъ удался.

Это былъ достойный уваженія старецъ; лице изрытое морщинами, бѣлые волосы, наполненные слезъ глаза, согбенныя плеча и слабая поступь — все въ немъ показывало пресстарѣлаго набожнаго путешественника; тихая походка его, посохъ, о которой онъ опирался, и которой, я думаю, въ продолженіе многихъ лѣтъ поддерживаешь слабый составъ его, породили въ душѣ

моей множество размышлений пріятнѣйшихъ.

Въ назначенный часъ явился я въ церковь. Спусти нѣсколько минутъ долженъ я былъ идти къ вратамъ кладбища; — путь представился глазамъ моимъ благоговѣнный выносъ: добрый спарикъ, съ женою, съ сыномъ и дочерью, еще нѣкоторые изъ родственниковъ и друзей его сославляли провождающихъ умершую. Пріятный, благочестивый и смиренный видъ молодой особы, ошъ которой получилъ я письмо, чрезвычайно тронуль меня; на лицѣ ея изображались черты непритворнаго великодушія и внутренняго спокойства оживоворяемыя благоговѣніемъ.

Во время чтенія молитвъ, случилось одно обстоятельство, которое заслуживаетъ сдѣлаться извѣстнымъ потому, что оно по всей справедливости достойно цѣли нашихъ Евангельскихъ служеній, и потому еще, что оно можетъ сдѣлать и на другихъ впечатлѣніе.

Одинъ поселянинъ, живущій въ этой же деревнѣ, котораго до сихъ поръ почитали совершеннымъ лѣнивцемъ и даже развратнымъ, пришелъ въ церковь изъ одного шокмо любопытства, и не съ другимъ какимъ-либо намѣреніемъ, какъ только видѣвъ погребеніе. Онъ подошелъ къ могилѣ въ то самое время, когда читали приспойныя сему случаю молитвы; нѣкоторыя мѣста произвели въ душѣ его столь силь-

ное впечатлѣніе , что онъ пришелъ въ шрепешъ , представивъ свои грѣхи , и о ужасѣ ему предстоящемъ. Сіе впечатлѣніе не только не изгладилось изъ души его , напрошивъ того время опъ времени дѣлалось сильнѣе , и наконецъ онъ показалъ опыты совершеннаго обращенія , чему долгое время былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ. Таковыя чувства его обнаруживались каждый разъ при чтеніи погребальныхъ моливъ , а паче въ то время , когда слышалъ онъ шѣ выраженія , посредствомъ которыхъ , благослоти Божеской угодно было привести его къ познаніямъ истины.

Когда кончилась церемонія , нѣсколько минутъ провелъ я въ разговорахъ съ добродѣтельной маспитною чешою и съ ея дочерью , копорой видъ и всѣ поступки были чрезвычайно привлекательны. Я далъ имъ слово быть у нихъ въ хижинѣ , и съ того времени пріобрѣлъ ихъ дружбу. Благословимъ Господа нищихъ , и не престаѣмъ моливъ Его о томъ , чтобы Онъ содѣлалъ ихъ богатыми въ вѣрѣ , а богатыхъ обнищавшихъ духомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Живѣйшая радость объемлетъ душу, когда приводимъ себѣ на память друзей, коихъ нѣтъ уже на свѣтѣ; но сто краше шого ушѣшишельнѣе, естли шо были друзья жившіе и скончавшіеся въ Господѣ! Воспоминаніе о шомъ, чѣмъ занимались, что говорили съ шѣми друзьями, кои наслаждаются теперь въ другомъ мѣрѣ вѣчнымъ блаженствомъ, исполняешъ душу радостію и оживляешъ ее надеждою на слѣдовашь нѣкогда шо Царство, въ которомъ, во славу Всемогущаго, спекутся со всѣхъ сторонъ чада Его для вѣчнаго со единенія. — Кто бы они не были, богатые или бѣдные — все равно! они были вѣрующія во Христа Сына Всевышнаго — вошь ихъ блаженство!

Въ числѣ истинно благочестивыхъ, коихъ я лишился, и съ которыми нѣкогда имѣлъ счастье разсуждашь о благости и славѣ Царства Божія, почиашо я и дочь молочника. Теперь присуплю къ подробному описанію всего шого, что до нее касается, будучи исполненъ надежды, что сіе принесетъ пользу шѣмъ, о кошорыхъ воспоминаю я какъ другъ бѣдныхъ.

Спусшя недѣлю, послѣ погребенія меньшей ея сестры, вѣхаль я верхомъ, чтообы

навѣспишь семейство ея въ хижинѣ. Дорога, кошорую проѣзжалъ я, лежала почти вся въ узкой долинѣ, по обѣимъ сторонамъ украшена была рощами орѣховыхъ деревъ, копорыхъ шѣнь защищала проѣзжающаго отъ лучей знойнаго солнца, на каждомъ шагу представлялось взорамъ его множество предметовъ прелестныхъ. Пестряющіе цвѣты, густые кустарники, растушіе по обѣимъ сторонамъ дороги, и дикія по мѣстамъ скалы, изъ копорыхъ текли быстрые ручьи, образуютъ для глазъ картину самую живописную.

И здѣсь, и тамъ, сквозь отверстія и промежутки, представляются предметы еще прекраснѣе: высокіе берега, маяки въ пристаняхъ, обелиски въ различныхъ видахъ и пучныя поля; индѣ море и корабли, но по большей части царствующія повсюду шѣнь древесная и привлекательная простота, побуждаютъ путешественника къ внимательному созерцанію.

Подѣзжая къ деревнѣ жилищу нашего добраго молочника, я вижу, что онъ гонитъ коровъ чрезъ поле: въ недалекомъ разстояніи отъ хижины его находящійся дворъ. Очень близко я подѣхалъ къ нему, и онъ не примѣнилъ меня по причинѣ слабого зрѣнія, называю его по имени — онъ оборотился и съ радостію, на лицѣ сіяющею, сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе сими словами: «Да благословитъ васъ Господь!» — «М. Г.! вы ушѣшили насъ своимъ примѣ-

ромъ — мы ожидали васъ каждый день. »
 Отворяется дверь хижины: выходишь дочь
 съ престарѣлою своею матерью. Весьма
 естественно, что увидѣвъ меня, она вспо-
 мнила могилу, гдѣ въ первый разъ мы
 увидѣлись.

Добрые поселяне встрѣпили меня со
 слезами доброжелательства, смѣшанными
 со вздохами оиъ сердечной радости произ-
 шедшими. Я сошелъ съ лошади и меня
 повели къ хижинѣ съ маленькимъ садикомъ
 ошмѣнно опрялнымъ, котораго одна сторо-
 на сбнѣяема была густою шѣвнью орѣхо-
 выхъ деревьевъ. Чистота и умѣренность цар-
 ствовала и внутри его, шакъ какъ и сна-
 ружи вездѣ былъ порядокъ, — и не взирая
 на самую бѣдность, все имѣло видъ устрой-
 ства. По всѣмъ сторонамъ, около камина,
 спояли скамейки, сдѣланныя изъ крѣпкаго
 дуба, на копорыхъ добрый ошець и по-
 чтенная мать ошдыхали послѣ дневныхъ
 трудовъ своихъ; въ углѣ спойшъ малень-
 кой споликъ, на коемъ лежала библия и
 нѣсколько благочестіе вселяющихъ книгъ.
 Въ хижинѣ два окошка, одно опкрываетъ
 видъ на прелестныя равнины, холмы, рощи
 и поля, другое почти закрышо было вѣтвя-
 ми насажденнаго вокругъ виноградника,
 сквозь листьевъ котораго лучи солнца по
 всей хижинѣ бросали прекраснѣйшій свѣшъ.

Здѣсь — то, сказалъ я самому себѣ, цар-
 ствуюшъ миръ, благочестіе и довольство!
 Господи! благослови, чтобы каждое мое

изъ шаковыхъ посвщеньй было мнѣ доказательствомъ сего!—«М. Г.! сказала мнѣ дочь, не по заслугамъ нашимъ видимъ мы у себя въ домѣ васъ, — добродѣтельное сердце ваше привело васъ изъ такой ошдаленности. »

« Господь нашъ , ошвѣчалъ я , приходиль къ намъ бѣднымъ грѣшникамъ и гораздо далѣе : Онъ оставиль шѣмъ и славу Опца Своего ; сошелъ въ нашу плачевную юдоль для шого , чшобы посвщиль насъ милосердїемъ и любовїю ; — не должны ли мы , слѣдуя Ему , сносить взаимно сягошы одинъ другаго , быть повсюду , и дѣлать шакъ какъ Онъ добро ? »

Тутъ пришель старикъ , дабы присоединясь къ женѣ и дочери , сдѣлать мнѣ прїемъ совершенно дружеской . Скоро разговоръ нашъ обратился на потерю чувствуюмую ими . Благочестивыя свойства чувствительной дочери обнаруживались во всѣхъ ея разговорахъ какъ съ родителами , шакъ и со мною . Я не могъ довольно удивиться прекрасному образу ея мыслей и всѣмъ оборотамъ , сопровождавшимъ ея выраженїя въ признательности и любви ко Иисусу , за излїянные Имъ на нее милости . Живши въ услугахъ у знашныхъ людей , она научилась обращенїю ; однакожь не взирая на то , вела себя благочестиво , была покорна и скромна во всѣхъ поступкахъ и разговорахъ . Посвщенїе мое , какъ я замѣшилъ , приняла она съ шюю надеждою , чшо оно послужиль урокомъ какъ

для нее собственно, такъ и для ея родителей; при всемъ томъ однако она не показала ни несовмѣстнаго умничанья, ни лишней важности, ни надмѣнности; но во всѣхъ своихъ разговорахъ соединяла ревность и твердость Христіанскую съ благоприсойностию женщины и съ покорностию дочери. Невозможно было, разсуждая съ нею, не замѣтить; какую приносясь честь Евангельскому ученію нравъ ея и образъ мыслей.

Скоро увидѣвъ я также, съ какою ревностию и успѣхомъ старалась она привести своихъ родителей къ познанію и чувствію истины: вошь черта, достойная уваженія въ свойспивахъ молодой Христіанки! Ежели угодно было Богу, Который по соизволенію Своему раздаетъ дары Своея Благодати, обратишь къ Себѣ чадо въ самое то время, какъ родители ея упали въ безуміи и во грѣхахъ: то не обязано ли чадо сіе пещись о томъ, чтобы обратишь къ тому же познанію истинъ, коимъ обязана она своимъ существованіемъ? Какое счастье, когда узы благодати дѣлають священными узы природы!

Замѣчательно было, что добрые сіи старцы смотрѣли на дочь свою, и говорили объ ней какъ о наставницѣ, научившей ихъ Божественному, и приведшей ихъ на путь спасенія, и въ то же самое время она не переславала изъяслять имъ всѣ знаки покорности и повиненія должныя

опъ дочери, и неусыпно пеклась о томъ, чтобы оказать имъ усердіе свое даже въ дѣлахъ хозяйственныхъ.

Такимъ образомъ Религія содѣлала молодую эпу Христіанку совершенно благо-разумною, и она достигла до вышшей степени благочестія. Понятіе ея о спасеніи грѣшныхъ было, а сіе и сообразно Священному писанію. Много разъ упомянула она о шѣхъ радостяхъ и печаляхъ, кои испытала она прежде, нежели укрѣпилась въ законѣ; она знала, и твердо знала, что для обращенія къ Религіи и для возрожденія вновь души и разума потребно болѣе, нежели одной переменѣ образа мыслей нашихъ. Дознавъ собственнымъ опытомъ, что душа не иначе можетъ сообщиться съ Господемъ, какъ посредствомъ вѣры во Іисуса Христа и посредствомъ любви къ Нему, она знала, что любовь Божія къ самымъ грѣшникамъ, равно и пути къ ихъ спасенію неизмѣняемы и непреложны суть. И такъ, вѣруя и предавшись совершенно первому, и съ ревностію слѣдуя послѣдному, обрѣла она въ Господѣ миръ превосходящій человѣческое понятіе; такъ - шо успокоиваешь Онъ возлюбленныхъ Своихъ!

Послѣ Библіи читала она весьма не многія книги, но прекрасныя въ своемъ родѣ; она говорила объ нихъ, о шакихъ книгахъ, кои исполнены Христіанскаго мужества.

Замѣченныя мною на лицѣ ея блѣдность и помность подали мнѣ поводъ сдѣлать заключеніе, что она одержима чахоткою, слѣдственно и проживеть не долго, — точно такъ; по прошествіи полутора года послѣ моего перваго свиданія — Богу угодно было воззвать ея къ Себѣ.

Быстро шло время въ сообществѣ сего любезнаго семейства. Послѣ нѣкоторыхъ часовъ моего съ ними разговора, подкрѣпивъ себя прохладительнымъ и ярѣпнымъ опдохновеніемъ, мнѣ должно было отправиться домой. По чувствіямъ, ими изъявленнымъ мнѣ при провожаніи, можно имѣть нѣкоторое понятіе о семъ почтенномъ семействѣ.

« Да сопушсвуетъ вамъ Самъ Господь! сказала добрая старуха, и да будетъ благословенъ шопъ день, въ кошорой пожаловали вы къ намъ бѣднымъ при нашихъ горестяхъ и прискорбіяхъ. Пріѣзжайте опять, пріѣзжайте, когда только за благоразсудите. вмѣсто меня незнающей и неспособной заниматься съ сами разговорами, любезная моя дочь займется съ вами; — она есть единственная моя опрада, и я надѣюсь, что Господь сохранитъ ее для подкрѣвленія моей слабости, моего разума, до самой той минушы, когда настанеть время моего соединенія съ умершею моею дочерью — въ могилѣ. »

« Надѣйшесь на благость милосердаго Бога, ошвѣчалъ я, и помнише обѣщанное

Имъ: Азъ есмь, и дондѣже состарѣтесе, Азъ есмь, Азъ терплю вамъ, Азъ сотвори хъ, и Азъ понесу, Азъ подыму, и спасу вы. (Исаія. 46. 4.)

« Благодарю васъ, возразила дочь, за милосши ваши, истинно Христіанскія, къ моимъ родителемъ. Благословеніе Божіе сопровождаетъ ваши посѣщенія — эшо я вижу. За особенное счастье будущъ почитать они, даже воспоминашь о томъ, что видѣли у себя въ хижинѣ почтеннѣйшаго проповѣдника Евангелія — счастье, коего прежде сего не имѣли! Господь явилъ мнѣ милость Свою, изпоргнувъ меня яко головню горящую изъ пламени, и показалъ мнѣ путь къ жизни и покою. Жить для славы Его — вошь единственное желаніе души моей; но я желаю также видѣшь, чтобы милые мои родители, столь же сильно почувствовали могущество Религіи и ея усладительныя дѣйсствія. »

« Кажется, сказалъ я, что обѣщанное совершилося надъ ними: и ноцъ обратитсѣ въ день! »

« Вѣрю, сказала мнѣ она, и благодарю Бога за счастливую надежду вами мнѣ предвозвѣщаемую. »

« Благодари Его и за то, что Онъ избралъ тебя орудіемъ для показанія Имъ свѣта. »

« Эшо я дѣлаю М. Г.! но вспомнивъ, сколь я недостойна, шо не иначе восхищаюсь шѣмъ, какъ съ шрепетомъ. »

« М. Г.! сказала старикъ, я увѣренъ, что Богъ вознаградитъ васъ за всѣ ваши къ намъ милоспи. Молите Его, чтобы Онъ удостоилъ насъ грѣшныхъ милоспи Своей во единонадесятый часъ! Любезная наша Лиза безпрестанно прудится для насъ какъ душевными, такъ и шѣлесными силами; цѣлый день проводитъ въ работѣ, и думаю, что недостанетъ у ней силъ для прудовъ ею подъемлемыхъ! потомъ она разговариваетъ съ нами, чашаетъ намъ и молится за насъ! — По всей справедливости, М. Г.! она безцѣнная дочь. »

« Да царствуетъ миръ со всѣми вами! »

« Простите, нашъ любезнѣйшій! » сказали они всѣ въ одинъ голосъ. Туть я съ ними простился. Мысли мои дорогою были пріятны, и надѣюсь, полезны душѣ моей. Послѣ шого нѣсколько разъ посѣщала я эту мирную хижину, и всякой разъ имѣлъ новыя причины благодаритъ Всемогущаго за пріятное собесѣдованіе, которымъ наслаждался.

Здоровье сей дѣвушки примѣтно уменьшалось; но свойства ея, поведеніе и познанія о Господѣ, возвышались по мѣрѣ приближенія конца ея жизни. Съ великимъ удовольствіемъ помѣщу здѣсь еще одно письмо, полученное мною, спустя около года, послѣ описаннаго мною свиданія, въ то время, когда нѣкопорыя обстоятельства удержали меня долгое время бытъ у ней. Оригиналъ, списываемый мною въ

живыхъ чертахъ , изображаетъ ту особу , кошорая писала его , равно какъ и всѣ прекрасные ея разговоры , коими я наслаждался .

Елизавета писавъ сіе письмо , ни мало не думала , чтобъ оно было напечатано для Публики , но я полагаю , что примѣрное благочестіе и живѣйшая вѣра въ чело-вѣкъ такого состоянія , какого она , будущъ пріятны сердцамъ всѣхъ друзей хощя бѣд-ныхъ , но благочестивыхъ .

Милостивый Государь !

По случаю даннаго вами мнѣ позволенія , посылаю къ вамъ еще одно письмо , и также дурно написанное , оставаясь въ полной увѣренности , что вы будучи отъ Божественнаго Учителя исполнены крошоспи , снисхожденія и шerpѣнія , не обидишь смѣлостію бѣдной и необразованной , но искренней и чистосердечной въ мысляхъ и выраженіяхъ . Желая единственно шого , чтобы я , слабый сосудъ Его славы , удостоилась благословлять имя Его за изліянныя Имъ на меня милоспи ; чтобы Онъ велъ меня пушемъ Своея мудроспи и воли ; чтобъ удостоилъ Своего воззрѣнія ; чтобъ посшавиль меня подъ знамя любви Своея , и чтобы наконецъ , обрѣла я упѣшеніе въ Его Божественной , крошкой и все-оживляющей мудроспи .

Чувствуя , что я ничто , и что Богъ есть вездѣ Сый , гошова лешѣшь къ Нему

и воскликнушь: Господи! будь моимъ помощникомъ! Господь мой! научи меня шворити волю Твою! Боже мой, будь моимъ Пророкомъ, Священникомъ и Царемъ! Яви мнѣ благость и любовь Твою! Какой бы легкой доступъ былъ намъ опверзшь, естлибъ сблизились мы къ Богу! Какое бы благодѣтельное сообщеніе имѣли мы тогда съ Господемъ любви! Великій Иегова! — какое славное Имя! и самые Ангелы повергаются предъ Нимъ съ препешомъ и съ покорною любовію благоговѣютъ предъ Нимъ и Ему служатъ! Нѣкто сказалъ:

Когда первый Архангелъ восклицаетъ: Свящъ! Свящъ! Свящъ! шо крылами закрываетъ лице свое.

При всемъ недостоинствѣ моемъ испышала я, что чѣмъ болѣе разсмашриваю я величество и милость Божію и чѣмъ чистосердечнѣе желаю почитать любовь Его, тѣмъ болѣе чувствую себя покорною и преданною Ему.

Однакожъ могу каждодневно сказать: Господи! сколь мало еще я люблю Тебя; сколь далеко живу опъ Тебя и сколь мало уподобляюсь Тебѣ! но со всѣмъ тѣмъ сколь желаетъ любить Тѣбя и служить Тебѣ сердце мое! Я замѣчаю, что по большей части Господь въ шо время излишаетъ на меня благословеніе Свое, когда присушствую я при Божешвенной службѣ. Сіе есть источникъ, посредствомъ котораго, наполняетъ Онъ душу мою драгоценно-

ными сокровищами Его любви и благодати; однимъ словомъ: я чувствую, что въ это время присутствіе Божіе болѣе оживляетъ и подкрѣпляетъ меня. И такъ я надѣюсь нѣкогда соединиться въ Его любви и воспѣть хвалебныя гимны за милосердіе Его къ одной изъ недостойныхъ грѣшницъ.

Сердце мое исполнено желанія утвердиться въ заповѣдяхъ Его, и мужественно шествовать по стезѣ моихъ обязанностей въ то время, когда наслаждаюсь я милосивою Его благодатію, и посредѣ всѣхъ моихъ прискорбій, прошу Его сподобить меня познать и чувствовать во глубинѣ души моей Иисуса и Силу Его славнаго воскресенія. О! ешьлибъ я того достигла, тогда бы жизнь моя была радость непрерывная, и воля моя предалась бы съ радостію волѣ Божеской, съ покорностію бы принимала все опъ Святаго промысла и благости Его, и сказалабы: воля Его благодѣтельна мудрость Его не можетъ премѣниться!

Но, увы! грѣхи и слабость вѣры часто и очень часто колеблютъ сіе разположеніе моего духа, и повергаешь меня въ печаль и слезы предъ Богомъ. Часто приходишь мнѣ на мысль, сколь бы тогда была я счастлива, ешьлибъ любовь Его совершенно овладѣла сердцемъ моимъ; ешьлибъ могла я съ пламеннымъ усердіемъ и ревностію повиноваться Ему; и ешьлибъ одержала побѣду надъ любимыми свои-

ми спрасяями: упрямствомъ, гнѣвомъ и гордостію! Но сіе не изъ другаго чего произойши можешъ, какъ изъ источника пвердаго вѣрованія посредствомъ Небесной благодати, что мы омыты шюю драгоценною кровію, которая очищаетъ ошъ всѣхъ грѣховъ, и которая возрождаетъ насъ во Христѣ Іисусѣ!

М. Г.! Часшо ослабѣваю я въ вѣрѣ моей. Подайте мнѣ совѣтъ, какое должна я предпринять средство для ушверженія себя въ оной? Часшо думаю, что ничшо не можешъ въ семь случаевъ бытъ дѣйствишельнѣе, какъ слова произнесенныя Спасителемъ: *Вѣра твоя спасетъ тя, все возможно вѣрующему*. О! есльлибѣ могли мы перелешѣтъ чрезъ всѣ шѣ горы, кои скрываютъ ошъ насъ и помрачаютъ свѣтъ Его благодати, дабы имѣя свободный къ Нему доступъ, могли мы съ Нимъ совѣщывашься, какъ съ нѣжнѣйшимъ и первѣйшимъ Другомъ! Сколь великую являетъ милость Господь намъ! и мы еще ропщемъ и жалуемъ! Спроси себя, чего еще Богъ не сдѣлалъ для тебя? Не уже ли не выполнилъ Онъ обѣщаннаго? И, не уже ли переславалъ Онъ оказывать благость Свою къ дѣшямъ шоль непокорнымъ, вѣроломнымъ?

Я прошу Бога, М. Г.! чтобы не прогнѣвляшъ Его болѣе, и въ семь случаевъ прибѣгаю къ вашимъ совѣтамъ и молишвамъ; ибо что можешъ бытъ ушѣшишель-

нѣе того, какъ прибѣгнутьъ къ шакому
человѣку, который истинно любить Бога,
и который носитъ Его образъ и подобіе?

Но сколь ни утѣшительны здѣсь раз-
сужденія съ благочестивыми, которыхъ
духъ парить въ предѣлы небесныя, одна-
кожь что все сіе въ сравненіи съ тѣмъ,
когда насплупимъ шопъ вожделѣнный день,
въ кошорой мы переселимся въ Цаство
вѣчной славы, и когда узримъ мы мило-
сердаго Бога въ лицѣ Сына Его, Котор-
ый есть образъ Отца и изображеніе
Его Славы? Тамъ, ежели достойны будемъ,
вспрѣпшатъ насъ легіоны Ангеловъ небес-
ныхъ, окружающихъ престолю Всемогущаго!

Между тѣмъ, М. Г.! буду я нести
крестъ, и мужественно сражаться подъ
знаменіемъ Того, Который вмѣсто ожида-
ной славы преперпѣлъ крестную муку и
жестокія поношенія, и Который теперь
сидитъ одесную Отца Своего, будучи
облегченъ въ лѣпошу Его Величія.

Примите, М. Г.! благодарность мою
за данное мнѣ позволеніе къ вамъ писать.
Я чувствую, что слабѣющія силы мои
весьма подкрѣпляются тѣмъ временемъ,
когда сообщаяю я вамъ мысли мои.

Я надѣюсь, М. Г.! что дни ваши про-
шекають въ душевномъ восхищеніи, и въ
изліяніи благодарности Тому, отъ Коего
изпекають всѣ блага какъ земныя, такъ
и небесныя, за ниспосланное Имъ на васъ

и на служеніе ваше Его благословеніе. — Знаю также, что случающіяся не рѣдко вамъ и непріятныя обстоятельства, но съ помощію благодати Его обратитесь все въ пользу при концѣ; пошому что самыя печали низпосылаются къ намъ для содѣланія насъ покорными и челоувѣколюбивыми. — Надѣюсь, что безпокойства, о которыхъ вы со мною говорили, скоро исчезнутъ.

Родители мои находятся въ совершенномъ здоровьѣ — и я въ восхищеніи—благословеніе Божіе пребываешь надъ ними, и они весьма успѣваютъ въ познаніи Іисуса Христа. Единственно для нихъ желаю жить. Съ того времени, какъ не имѣемъ мы счастья васъ видѣть, часы текутъ весьма медленно. Я уже спыжусь и просишь, чтобы вы навѣстили насъ бѣдныхъ въ нашей хижинѣ; еслили не можете пожаловать къ намъ, то по крайней мѣрѣ удостойте насъ вашимъ отвѣтомъ. Простите, что письмо такъ дурно и неправильно написано; — причина та, что я въ молодости была лѣнива, многому училась, но о правописаніи не заботилась; а теперь очень слаба, слѣдственно и не могу уже учиться.

Я слышала, что многіе раскаялись въ приходѣ вашемъ: это чрезвычайно меня восхищаетъ. Знаю, что и вамъ сіе очень пріятно; но я уже не дожусь того времени, когда спасительное Христово Евангеліе

будешь во всѣхъ храмахъ міра сего проповѣдывашься, и когда всѣ возлюбяшь и убояшя Господа, и наконецъ когда соединенные Его могуществомъ сославяшь одну душу во Христѣ Господѣ нашемъ! Вы — я знаю — посвятили себя на подвиги и славу Господа для спасенія душъ: вы добрый пастырь — вы можете ожидать награды! Молю Бога, чшобы совершилъ все по вашему желанію.

Прошу васъ, Милосивый Государь! не обидѣться смѣлостію моею и письмомъ. Родители мои свидѣтельствуютъ вамъ почтеніе и признательность.

*Ваша покорнѣйшая во Христѣ
Елисавета.*

Письмо сіе живо изображаетъ ея душу! Да будетъ оно чшано съ духомъ Христіанскимъ, и да посвятишься шрогашельному воспоминанію.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Путешественники, проѣзжая какую нибудь страну, обыкновенно останавливаются, дабы узнать, кому принадлежатъ прекрасныя жилища, представляющіяся ихъ взорамъ между лѣсовъ и на долинахъ. Знапная порода, шипла, богатство и свойства обладашелей, возбуждаютъ вниманіе любопытнаго странника видѣвъ внутреннее ихъ убранство. Прекрасныя зданія, пышныя уборы, дорогой цѣны картины, прелестныя сады и рощицы, обыкновенно привлекаютъ на себя удивленіе и почести; между шѣмъ, богатство и вкусъ обладающихъ ими, заставляютъ любопытнаго различныя дѣлать изслѣдованія. Но въ то же самое время, проѣзжая мимо хижины бѣднаго земледѣльца, не удосшоваютъ ее даже и возрвнія своего, хошя, можешъ быть, бѣдная хижина сія заключаетъ въ себѣ сокровище несравненно драгоцѣннѣе, нежели великолѣпныя чертоги богатаго человека; — словомъ: жемчужина цѣны высокой. Когда же эша жемчужина врѣзана въ сердце бѣднаго поселанина, тогда уже дѣлаетъ она сокровищемъ болѣе неоцѣненнымъ, и которое будетъ блистать веліимъ блескомъ на вѣнцѣ Искупишеля въ тошъ день, въ кошорый соберетъ Онъ сокровища Свои.

Пошому - то путешественникъ Христіанинъ разсматривая зданія блистающія пышностію и великолѣпїемъ, кои суть законное наслѣдіе счастія и случая, не пропустишь посѣшшь и смиренную хижину бѣднаго, и естли находишь оный подъ сею бѣдною кровлею ту благодашь и поблагочестіе, коихъ щещино искалъ оный между знатными и богатыми, тогда приводишь себѣ на память слова Господни: *Сїя глаголетъ Господь Вышній, иже живетъ въ высокихъ во вѣкъ, Святый во Святыхъ, имя Ему Вышній, во Святыхъ поживай, и малодушнымъ давай долготерпѣніе, и давай животъ сокрушеннымъ сердцемъ.* (Исаїя. 57. 15.) И хотя небо естъ престоль, а земля подножіе ногъ Его. Но естли спросимъ: гдѣ созиждемъ храмъ Ему, и гдѣ поищемъ Его? То въ опивѣшь получимъ: *Тако глаголетъ Господь: Небо престоль Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ: кїй домъ созиждите Ми, и кое мѣсто покоища Моего. Вся бо сїя сотвори рука Моя, и сїя суть вся Моя, глаголетъ Господь: и на кого воззрю; токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ.* (Исаїя. 66. 1. 2.) Вѣрующій зришь на стѣнахъ храмину тако украшенную слѣдующею надписью: Здѣсь жилище Господне! Благочестивый путешественникъ не только не провѣдетъ мимо ее, на противъ оный спѣшитъ войти въ нее, садися и разговариваешь съ бѣд-

нымъ, кошорый можешъ бышь у всѣхъ въ пренебреженіи. Такимъ - то образомъ въра находипъ истинныя радости! шакимъ - то образомъ обрѣлъ оныя и я подь смиренною кровлею молочника и его семейства!

Скоро я замѣтилъ, что здоровье дочери его очень увядало: томная чахошка—это орудіе, посредствомъ котораго Господь взываетъ къ Себѣ тысячи земнородныхъ, свѣдала ея самымъ очевиднымъ образомъ. Впалыя глаза, сухой безпрестанной кашель, обманчивый на щекахъ румянецъ были предшественники скорой смерти.

Часто я думалъ, сколь обширное поле къ полезнымъ наблюденіямъ и нѣжной попечительности священникамъ и друзьямъ Хрисіанскимъ открывали частые припадки и медленные успѣхи чахошки; сколько драгоценныхъ случаевъ потеряно, въ которые судьбамъ угодно было послать нужное время для важныхъ поученій и размышленій о Религіи! о множествѣ можно сказать: они не знали той сшези, копорая ведешъ къ блаженству, пошому что они не имѣли друга, кошорой бы увѣщевалъ ихъ шако: бѣгите грядущаго гнѣва.

Но дочь молочника, къ счасхію, имѣла поняшіе обо всѣмъ томъ, что могло содѣлать ея въ вѣчности благополучною, гораздо прежде того, нежели болѣзнь ея въ ней усилилась. Могу сказать, что въ посвщеніи мною ей дѣлаемомъ, пользовался я ея уроками, а не она училась у меня.

Разумъ ея исполненъ былъ истинъ Божественныхъ, разговоры ея были совершенно назидательные. — Воспомятъ объ ней съ душевною признательностію, почитаю я одною изъ пріятнѣйшихъ обязанностей сердца!

Однажды получилъ я отъ нее записку слѣдующаго содержанія :

Милостивый Государь!

« Душевно буду утѣшена, ежели дѣла ваши позволяшь вамъ навѣстить бѣдную недостойную грѣшницу. Послѣдній мой часъ уже близокъ, но я надѣюсь увидѣть Иисуса милосердствующаго о душѣ моей! Разговоры ваши всегда были мнѣ полезны, а нынѣ я чувствую болѣе въ нихъ нужды; — примите увѣреніе въ почтеніи къ вамъ моихъ родителей и недостойной вашей служанки, Елисаветы. »

Я исполнилъ просьбу ея въ пошъ же день послѣ обѣда. Подъѣзжаю къ хижинѣ молочника, жена его отворяетъ мнѣ дверь, слезы текутъ изъ глазъ ея ручьемъ, сердце ее стѣснено ужасно, глубокое молчаніе соупошсвуетъ ей; — она начинаетъ говорить и, не можетъ. Я взялъ ее за руку и сказалъ:

« Другъ мой, должно съ благоговѣніемъ принимать все то, что ниспосылается мудрымъ и всеблагимъ Богомъ. »

« Ахъ! милая моя дочь, любезная Лиза очень больна; М. Г.! что безъ нее со

мною будетъ! Я думала, что она меня похоронитъ — но

« Но Господь находитъ справедливымъ, чтобы прежде, нежели ты скончаешь дни свои, увидѣла бы дочь свою нарящею въ предѣлы вѣчной славы! — Не должна ли ты сіе принять въ видѣ Его къ тебѣ милости? »

« Ахъ, М. Г.! уже я очень стара и слаба, а она предобрая дочь — она поддерживала меня при спароспи моей. — Бѣдное, жалкое я швореніе! »

Приближаясь, вижу Елисавету сидящую въ креслахъ, въ углу прошивъ огня подушки поддерживали слабую голову ея. Изнеможеніе и близкая смерть изображалась у ней на лицѣ, и я замѣшилъ, что ей осталось не больше трехъ недѣль или при мѣсяца жишь на свѣшѣ. Тихая улыбка дружбы и сердечнаго удовольствія оживили блѣдное лице ея, когда она сказала мнѣ:

« Ахъ! какъ вы милоспивы, что пожаловали шакъ скоро послѣ моего приглашенія, М. Г.! Вы меня видите со дня на день больше ослабѣвающею, и мнѣ остаешся королккое время прожить въ сей юдоли. Часто тѣло мое и сердце повергающся въ безчувственность; но Господь подкрѣпляетъ меня — надѣюсь, что Онъ до конца пребудетъ со мною! »

Разговоры ея, по временамъ, прерываемы были одышкою и кашлемъ. Голосъ ея хошя и слабъ былъ, но выразишелень;

взглядъ хотя и томной, но столь же пріятной, и оживлялся разговоромъ. Я не могъ безъ удивленія слушать превосходнаго ея краснорѣчія, съ которымъ выражала она чувства свои, и смотрѣшь на тошь согласный съ Священнымъ Писаніемъ образъ мыслей, котораго сообщала она свои понятія. Разумъ, который получила она отъ природы, съ помощію дѣйствія благодати, достигъ степени совершенства. Слѣдующій за симъ случай увѣрилъ меня, что она преимущественно была ею облагодѣшествована. Казалось, что сила благодати и природы совокупно въ ней дѣйствовали.

Я сѣлъ между дочерью и матерью (сія послѣдняя, во все продолженіе нашего разговора, не переставала устремлять на дочь вѣжныя исполненныя сердечнаго прискорбія глаза свои). Я сказалъ Елисаветѣ:

« Совершенно увѣренъ, что ты чувствуешь и наслаждаешься присутствіемъ Господа; и что съ большею радостію готова предать себя Тому, Который пребывалъ съ тобою и хранилъ тебя на пути жизни твоей, и наконецъ: Тому, Который приведетъ тебя въ страну, гдѣ царствуютъ избранные Его! »

« Кажется чувствую, М. Г.! Разумъ мой нѣкоторое время былъ затмѣваемъ облаками; но я ни къ чему другому отношу сіе, только къ слабости и болѣзни прешерпяваемой мною, и частію къ врагу моему, злему духу; который иногда спа-

рается увѣрить меня, будто Хрипось
меня не любитъ и будто я въ заблуде-
нїи. »

« И ты предаешься его наущенїямъ?
Можешь ли ты сомнѣваться послѣ всѣхъ
оказанныхъ уже тебѣ и нынѣ Имъ оказы-
ваемыхъ опытахъ милосердїя? »

« Нѣтъ, М. Г.! я чувствую и весьма
сильно чувствую любовь Его, и не толь-
ко что не хочу умножать грѣхи мои тѣмъ,
чтобы не созерцать являемую Имъ къ
душѣ моей милость, но превозношу и
благословляю имя Его! »

« Каковымъ тебѣ кажется теперь по
состоянїю, изъ котораго благость Его
извлекла тебя? »

« М. Г.! я была творенїе гордое, без-
разсудное; занималась одними нарядами;
любила свѣтъ и все свѣтское;—я была
въ услугахъ у мїролюбивцевъ, слѣдствен-
но и была лишена счастїя, слушать Боже-
ственное Слово, они не пеклись о душахъ
служителей своихъ. Иногда, и то только
по воскреснымъ днямъ, ходила я въ цер-
ковь, и то съ тѣмъ намѣренїемъ только,
чтобы видѣть другихъ и показать себя,
а со всѣмъ не для слушанїя Слова Божїя.
Я думала, что я была достойна насле-
довать спасенїю; я имѣла обращенїе къ
людямъ набожнымъ и часто насмѣхалась
надъ ними. Я была въ совершенномъ за-
блуденїи, и не внимала взывающему гласу
спасенїя; не любила молишься Богу; и не

знала, сколь ужасно не молишься! Сшаралась о шомъ единственню, чшобы прїобрѣсти имя доброй служанки, и гордилась въ душѣ тѣми похвалами, кои получала. Я была добраго поведенїя и нравственности, по правиламъ и обязанности мїрскаго моего званїя, но не знала ни Бога, ни Христа; ни мало не пеклась о душѣ, и ешьли бы смерть зашпгла меня на семь пуши жизни моей, адъ былъ бы наслѣдїемъ моимъ! »

« Давно ли слышала ты шу проповѣдь, которая по благоволенїю Небесному была побудительною причиною къ швоему обращенїю? »

« Скоро пять лѣтъ шому. »

« А какимъ образомъ это случилось? »

« Услышавъ, что М., которому въ наискорѣйшемъ времени должно было въ качествѣ священника отправиться въ одно опдаленное мѣсто, задержанъ нѣкоторымъ обстоятельствомъ, и что будешь сказывать проповѣдь въ церквѣ. — Многіе не совѣщывали мнѣ идти слушать ёго разсужденїй; ибо онъ, говорили они, человекъ странной системы; но любопышество и желанїе показаться въ новомъ нарядѣ принудили меня на то рѣшиться, и я испросивъ у Госпожи позволенїе, пошла. Истину скажешь, М. Г.! гордость и любопышество были въ семь случаевъ единственныя причины; но все сїе Богу угодно было устроить для славы Своей! »

« Я пришла въ церковь , гдѣ увидѣла множество собравшагося народа. Часто думаю я о томъ прошивуположномъ состояніи моего разума, въ которомъ находилась я въ продолженіе первой и послѣдней части отправленія службы. Нѣсколько времени я слушала ее безъ малѣйшаго вниманія, бросала взоры вокругъ себя, спараясь быть замѣченною. Нарядъ мой, шакъ какъ и на большой части служанокъ, ушопанующихъ въ безднѣ суешнаго щеславія и безразсудности, гораздо превосходилъ ту степень, которая прилична смиренной грѣшницѣ, убѣжденной въ чувстввахъ благоприсшойности и скромности. Смотря на одежду мою, всякой могъ потчасъ замѣтитъ, что я желала нравиться. »

« Наконецъ проповѣдникъ началъ рѣчь свою слѣдующими словами : Будьте одѣты въ ризу смиренія. Тутъ разсуждалъ онъ о различіи одеждъ душевной и тѣлесной, и послѣ нѣкошорыхъ изреченій словъ его, я начинаю спыдисься спраспи своей къ нарядамъ; а когда произнесъ онъ объ одеждѣ спасенія, въ кошорую Христіанинъ облеченъ быть долженъ, тогда увидѣла совершенную нагошу души моей. Я усшремляла взоры мои на проповѣдника, какъ на низпосланнаго съ небесъ снять завѣсъ съ глазъ моихъ; смошрѣла на слушащелей и спаралась замѣтитъ : всѣ ли они одинакимъ со мною объяшы чувстввомъ; смошрѣла въ сердце свое, и увидѣла его исполненнымъ

беззаконій; шрепешала и благоговѣла при каждомъ словѣ проповѣдника, разкрывшаго сокровищницу средствъ, коими небесная благодать дѣйствуешъ для обращенія грѣшниковъ на стезю спасенія, и ужасалась о содѣваемомъ мною каждый день. Онъ представилъ въ примѣръ подражанія, смиреніе, крошость и покорность Христа Спасителя. — Я возчувствовала мою суешность, гордосць и шщеславіе; онъ говорилъ объ Немъ какъ о Существѣ истинно мудромъ, и я убѣдилась съ моимъ безуміи; говорилъ о Немъ какъ о Существѣ правосудномъ, и я возчувствовала грѣховность; упомянулъ о свяшости Его, и я увидѣла шлѣнность мою; превознесъ Его Искупителемъ, и я почувствовала, что я опущана грѣховными цѣпями и невольница сашаны. Въ сильныхъ, и оживляющихъ чувства выраженіяхъ, заключилъ онъ проповѣдь свою, убѣждая беззаконниковъ избавишься грядущаго гнѣва, отрещишься наружныхъ попеченій, и по примѣру Иисуса, облещишься въ одежду крошости и смиренія.»

« Съ эшаго времени я не переставала размышляшь о важности души моей и объ ужасѣ провождать жизнь въ беззаконіи. Во глубинѣ души благословляла я Господа, благоволившаго мнѣ услышать сію проповѣдь, не смощря на то, что разумъ мой находился въ самомъ смущенноцъ сосшоеніи.»

« Проповѣдникъ , въ этой сильной убѣжденіями рѣчи своей , упомянулъ о любимой сердца моего страсти къ нарядамъ , и съ помощію благодати небесной сіе было средствомъ , которое Господь употребилъ для изпорженія меня изъ моего о Немъ нерадѣнія (*)

« Какоебъ , М. Г. ! было счастіе , ешь-либъ и всѣ дѣвушки , споль же , какъ и я , бѣдныя , истребили изъ сердца своего спрасть — нравиться и наряжаться ; и спарались бы искасть украшеній неплѣнныхъ , каковы суть : духъ кротости и смиренія , копорыя предъ очами Вездѣсущаго есть перзѣйшая драгоценность ! »

« Большая часть слушателей , не обыхшихъ къ шакому роду поученій , почерпнутыхъ изъ Священнаго Писанія , наводящихъ спрахъ , не благоволили къ Священнику и жаловались на его спрогость . Между тѣмъ , въкопорые , какъ узнала я послѣ , такъ же какъ и я , до глубины сердечной пронумы были его ученіемъ и чрезвычайно желали наслаждаться онымъ и впредь ; но гласъ его не слышанъ былъ болѣе въ спранѣ сей ! »

(*) О ! для чего не многіе Христіане думаютъ такъ , какъ безцѣнная молочница ? Но , что я говорю ! Что тогда будешь съ пещрами , балами и нарядами ? . . . Вотъ причины , или лучше скажешь , камни предковенія ! Боже милосливый ! да сохранишь насъ десница Твоя !

« Съ того - то времени предалась я молишвамъ , чшенію и размышленіямъ о шомъ наслѣдїи , коего чрезъ грѣхопаденїи я лишилась , и о шѣхъ способахъ , копорыи безконечный въ милостяхъ своихъ Отець небесный , по заслугамъ Христа Спасителя , изпоргнулъ изъ пыли и пепла недостойное шворенїе , дабы содѣлать его участникомъ славы и благоденствїя небеснаго. Ахъ , М. Г.! какого Спасителя обрѣла я ! Онъ посылаетъ мнѣ все то , чего я желаю и прошу ! Отъ щедрой руки Его получила я все то , что только бѣдному имѣть нужно ; въ объятїяхъ Его нашла я убѣжще отъ всѣхъ грѣховъ и прискорбїй ; въ словахъ Его обрѣла я силу противъ сомнѣнїя и непонятїи о вѣрѣ. »

« Но чувствуешь ли ты себя въ томъ убѣжденною , что ты избавлена собственно благодатїю Всевышняго не по заслугамъ и достоинствамъ душевнымъ ? »

« Но какїя , любезный благодѣтель мой , были заслуги мои до того времени , когда услышала я проповѣдь ? Я служила порокамъ и плоши ; единственный предметъ моего служенїя былъ : служить и угождать себѣ , а отнюдь не Религїи ; сердце мое отъ самой юности моей безпрестанно увлекалось къ хрѣховному. Заслуги мои ! не въ томъ ли вы сосшояли , что я унизила и обезобразила душу свою ? и не въ томъ ли еще , ни мало не пеклась о Богѣ , законѣ и Евангелїи ? Во всей обширности

смысла чувствую, М. Г.! что безъ милосердія благодати я бы никогда не спаслась, и что вся слава и достоянїе моего обращенїя ошъ самаго его начала и до сихъ поръ принадлежишь Богу!»

« Какую ощущала ты въ себѣ перемѣну въ отношенїи къ міру? »

« Я возчувствовала всю суешность его, и что любишь его естъ ничшо другое, какъ погубленїе души; увидѣла, что для спокойствїя необходимо должно съ нимъ разстаться. Нѣсколько часовъ проспаивала я на молиствѣ и ощущала тайное въ душѣ моей услажденїе ошъ сей бесѣды съ Богомъ. Часто прешпала я о содѣянныхъ прегрѣшенїяхъ; иногда невѣріе, страхъ и гордось, возбуждали меня обратиться паки въ первобышнее состоянїе, и тысячи различныхъ затрудненїй встрѣчались мнѣ на новомъ пути моемъ; но Тотъ, Кошорый возлюбилъ меня вѣчною любовїю, изшоргъ Свое созданїе изъ смущенїя и указаль мнѣ путь къ покою: шуть дознала я, что сколь ни была я слаба, но съ благодатїю Его все прїобрѣсти возможно. »

« Не повстрѣчались ли тебѣ какїя-либо затрудненїя въ новыхъ швоихъ правилахъ и образѣ поведенїя? »

« И каждый день, М. Г.! одни насмѣхались надо мною; другїе бранили меня; враги мои презирали меня, а друзья сожалѣли обо мнѣ, называли меня лицемѣрною, суевѣркою, лукавою и обманщицею; словомъ:

изобрѣшали всѣ способы, лишь бы только сдѣлать меня въ глазахъ свѣта ненавистною; но я съ благоговѣніемъ несла тяжестъ креста, прощала гонителей моихъ и молилась за нихъ, помня между тѣмъ, что и я недавно перестала дѣлать то же, что Христосъ и болѣе терпѣлъ, и что ученикъ ничто прошивъ учителя. Я утѣщалась скорбями моими, и старалась найти въ нихъ хотя малое сходство съ тѣми, кои Онъ претерпѣлъ.»

«Послѣ сего не ошупила ли ты въ душѣ швоей впечатлѣній нѣжности и усердія къ швому семейству?»

«Родственниковъ моихъ, М. Г.! не выходили изъ моей памяти: я безпрестанно объ нихъ молилась и горѣла желаніемъ оказать имъ всевозможное усердіе; въ особенности занималась родителями, которые при старости ушопали въ безразсудности, не имѣя понятій объ истинѣ закона.»

«Да, прервала мать горько воздыхая, безумцы, грѣшники и несчастные: вопль чѣмъ были мы до шого времени; какъ любезная, милая Лиза, умолила Іисуса придти въ хижину ея бѣдныхъ родителей!»

«Нѣтъ, любезнѣйшая мать! справедливѣе скажи, что Іисусъ послалъ къ вамъ дочь вашу, дабы она увѣдомила васъ о Его милосердіи Имъ ей оказанномъ, и какъ я надѣюсь, что оно окажется и вамъ.»

Тутъ вошелъ старикъ принеся два ведра съ молокомъ на плечахъ своихъ. Онъ слы-

шаль послѣднїя слова, произнесенныя его женою и дочерью.

« Да благословишь и да сохранишь ее Отецъ небесный! сказалъ онъ, эшо все правда. Она оставила выгодное мѣсто, гдѣ находилась въ услугахъ, для шого единшвенно, чшобы жишь съ нами и помогашь намъ какъ душевными, равно и шблесными силами. М. Г.! не замѣчаешели вы на ея лицѣ признаковъ опасности? Я думаю, чшо намъ не долго ошашеся ее видѣшь. »

Предоставьте эшо волю Всемогущаго, сказала Елисавета. Жизнь наша въ Его рукахъ и мы счастливы! Я гошова лешѣшь къ Нему, и вы, родителъ мой! надѣюсь, чшо шакже, какъ и я, гошовы оппусшишь меня въ объашїя Того, Кошорый послалъ меня къ вамъ!»

« Спрашивай меня о другомъ о чемъ, » сказалъ шарецъ залившись слезами.

« Я знаю, сказала она, чшо вы желаете видѣшь меня счастливою. »

« Желая, желаю, опвѣчалъ онъ — да будетъ воля Всевышняго надъ нами!»

Я спросилъ у Елисаветы: на чемъ основываетъ она ушѣшенїе свое въ ожиданїи близкой кончины?

« Все мое ушѣшенїе, М. Г.! заключается во Христѣ Иисусѣ. Когда разсматриваю себя, шо вижу, чшо грѣхи мои, немощи и несовершенства зашмѣвають образъ Спасителя, кошорого желаю видѣшь въ сердцѣ

моемъ ;— но когда взираю на Искупишеля, вижу милость Его ; вижу , что ни одно пятно , ни одно облачко не зашмѣваетъ совершенствъ Его ! »

« Размысленіе о томъ , что Онъ принялъ на себя образъ человѣка , и спрдалъ за насъ , облегчаетъ бремя моего спрданія . Размышляя о Его искушеніяхъ , оживошворяюсь надеждою , что Онъ будетъ мнѣ помощникомъ въ искушеніяхъ моихъ ; потомъ размысленіе о крестѣ Имъ понесенномъ учить меня нести съ покорностію бремя креста моего ; размышляю о Его смерти и желаю умереть , дабы не жить болѣе подъ владычествомъ грѣха . Размышляя о Его Воскресеніи , утѣшаюсь надеждою , что и я воскресну ; ибо я чувствую , что всѣ надежды мои парятъ въ вѣчность . Когда взираю на Него сѣдящаго одесную Отца Ходатаемъ за меня и принимающій мною возсылаемья , хоша и слабыя молишвы о мнѣ и о бѣдныхъ моихъ родителеяхъ , то ощущаю истинное утѣшеніе , истинную надежду , »

« Вотъ какія , по благости небесной , имѣю я понятія о милосердомъ Искупителѣ ! онѣ-то заставили меня желать и стараться всѣми силами служить и быть Ему преданною , и неусыпно пещись о исполненіи всѣхъ обязанностей , для копорыхъ Ему призвать меня угодно было . »

« Не одну тысячу разъ я гопова была низвергнушья въ бездну — но Онъ под-

крѣпялъ меня ;— чувствую, что Онъ вездѣ Сый , и чю безъ Него я ничто.»

« По мѣрѣ того, сколько могу я возсымать къ Нему печали мои, обрѣшаю я силу исполнишь законъ Его. Да буду я предана Ему до послѣдней минушы моей жизни. Я ни мало не спрашусь смерти, для того, что Онъ разпоргъ ея узы и какое счастье ожидаетъ насъ по ту спорону гроба. — Скажите, М. Г.! справедливо ли я думаю? Я полагаю, что думать такимъ образомъ не есть заблужденіе. И такъ ни на чемъ другомъ ушверждаю я надежды мои, какъ на волѣ Христа Спасителя! Когда совѣшуюсь я съ сердцемъ моимъ, то не смѣю полагаться на него пошому, что оно вѣроломно и много разъ обманывало меня; но когда совѣшуюсь со Христомъ, то въ опвѣтъ получаю обѣщаніе, которыя подкрѣпляютъ и оживляютъ меня, и которыя не даютъ мѣста сомнѣнію о Его могуществѣ и искупленіи. Я въ Его рукахъ, и желаю пребыть навсегда; увѣрена, что Онъ не только не оставитъ меня, но усовершенствуетъ швореніе рукъ Своихъ. Онъ любилъ меня, и по сей-то любви принесъ Себя въ жертву.— И такъ я знаю, что дары Его и обѣщанія не навлекутъ раскаяніе. Въ этой-то надеждѣ я живу, и съ сею-то надеждою желаю окончить дни мои.»

« По истинѣ, домъ сей есть жилище Господне и дверь къ раю!» подумалъ я,

слушавъ ее ; все въ немъ было чисто , опрятно. Съ самаго полудня время было пасмурное , но къ вечеру какъ будшо нарочно возблисало солнце , и лучи его озаряли комнату. Свѣтъ его блисталъ на прехъ или чепырехъ рядахъ оловянныхъ и фаянсовыхъ чистыхъ шарелокъ , опмѣнно поставленныхъ на полочкахъ , и на нѣкоторыхъ висящихъ по стѣнамъ рисункахъ , возобновляющихъ въ памяти рожденіе , крещеніе Христова , Его распятіе и воскресеніе.

Бѣлая стѣна , при всей своей бѣлизнѣ , не превосходила въ опрятности , ни мебели , ни всего того , что сосставляло украшеніе для хижины. Рѣдко освѣщало солнце домъ , въ кошоромъ чистота и опрятность — эпи вѣрные сотоварищи бѣдноспи , благочестія и смиренія , были бы болѣе замѣчательны.

Сіе блистаніе заходящаго солнца было изображеніемъ блистательной ясности , съ кошорою сія молодая Христіанка гошова была окончить путь свой. Лучъ ударившій въ зеркало отразился на лицѣ ея. Въ это время въ блѣдныхъ чертахъ ея замѣчены были совершенное преданіе Богу. Торжествующая надежда , непришворная покорность и нѣжная скромность , кои разительнo объяснили чувства ея сердца.

Еще нѣсколько минушь насладился я пріятнымъ разговоромъ ея , пошомъ корошкая молишва заключила наше свиданіе.

День уже былъ на западѣ, когда возвращался я домой, повсюду царствовала тишина. Тихое журчаніе ручьевъ, бляніе овецъ, коихъ гнали съ поля, щепешаніе ночныхъ насѣкомыхъ, вдали шумъ воды, послѣднія пѣсни дневныхъ дшичекъ, и начинающіяся пѣсни соловья только были слышны;—они увеличивали, а не уменьшали пріятность тихаго вечера и его на сердце моемъ впечатлѣній. Все сіе вмѣстѣ возбуждало и способствовало болѣе къ размышленіямъ, кои почерпнулъ я изъ посвещенія. Зрѣлище природы, когда разсматриваешь оную Христіанскими глазами, часто сообщаетъ высокія о Божествѣ понятія. Счастливъ, кто можетъ такимъ образомъ ее разсматривать и возносишья ко Престолу Всемогущаго!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Усладительно для сердца видѣшь, что при всей мрачности духовной, царствующей во многихъ мѣстахъ страны сей, Богъ однакожь имѣеть избранныхъ Своихъ. Довольно часто случается, что многіе лишенные средствъ къ снисканію благодати, получили такія впечатлѣнія, кои по всей справедливости превосходны, и которыя съ помощію Промысла содѣлали внутреннее ихъ разположеніе, ихъ познанія и молитвы достойными Всевышняго, и учинили ихъ истинными Христіанами. Не мало заблуждаются многіе наши учителя, что осцавляють безъ замѣчанія и не умѣють въ настоящемъ смыслѣ цѣнить таковыя примѣры. Въ ихъ сочиненіяхъ и мнѣніяхъ о Религіи заключается много механическаго.— Естьли, на примѣръ, какое нибудь колесо, или веревя, или цѣпь, или подставка, или зубецъ, или шестерня сползъ не на своихъ мѣстахъ и недѣйствующъ предписаннымъ образомъ, тогда вся машина дѣлается недостойною вниманія; но Господь знаетъ все, что принадлежитъ Ему; и шѣ, кои носятъ Его на себѣ подобіе, сколь бы ни были они далеки отъ свѣта истиннаго закона, но когда съ вѣрою при-

зовушь имя Христа Спасителя, въ беззаконіяхъ получаютъ опущеніе.

Есть нѣкошорые Христіане, кои въ семь случаѣ могутъ оправдать превосходное сравненіе одного Поэта.

Множество драгоценныхъ жемчужиць скрывается въ волнахъ Океана; множество разпуспившихся цвѣповъ, нѣкъмъ невидимыхъ, изсыхаютъ въ пустынь.

Но изреченіе сіе не принадлежитъ къ дочери молочника; любовь ея къ Религїи усовершенствовалась въ уединенїи; но ея многіе знали, она жила съ пользою ближнихъ, и скончала дни свои, оставила за собою блистательнѣйшїй путь. Да произведешь во мнѣ эпо описаніе счастливыя впечатлѣнїя, и да содѣлаюсь я чрезъ вѣру и шerpвнїе со причастникомъ всѣхъ обѣщовъ.

Въ послѣднее мое съ нею свиданіе, какъ упомянулъ выше, замѣпилъ я, что она быспрыми шагами шествовала къ концу своему. Я получилъ отъ ней еще одно на скоро писанное письмо, въ кошоромъ увѣдомляешь меня, что послѣднїй ея часъ приближился. Сїе письмо принесено ко мнѣ однимъ солдатомъ, коего наружный видъ показалъ всѣ знаки скромности, благоразумїя и благочестїя.

«М. Г.! Я пришелъ къ вамъ отъ родителей Елисаветы В — по ея желанїю, увѣдомишь васъ, что она очень желаетъ

вась видѣшь. — Чась ея кончины близокъ, весьма близокъ. »

« Давно ли ты съ нею знакомъ? спросилъ я солдата. — Около мѣсяца, М. Г.! Я люблю навѣщать больныхъ; и будучи извѣщенъ о ея болѣзни одною благочестивою особою, живущею со мною въ сосѣдствѣ, спѣшилъ ее увидѣшь, и благодарю Бога, что увидѣлъ; свиданіе мое съ нею принесло мнѣ великую пользу. »

« Радуюсь, сказалъ я ему, что нашель въ тебѣ то, что оправдало мое ожиданіе — товарища; и хотя по званію нашему мы и различны одинъ отъ другаго, но мы служимъ подъ знаменами одного мудраго Полководца. — Я иду съ тобою. »

Лошадь моя была уже гопова. — Товарищъ мой шель подлѣ меня, и умными благоговѣйными своими разговорами приносилъ сердцу моему удовольствіе. Онъ описывалъ превосходныя качества дочери молочника, замѣченныя имъ изъ нѣкоторыхъ разговоровъ, кои имѣлъ онъ съ нею въ недавнее время.

« Это М. Г.! драгоценный алмазь, сказалъ онъ, который скоро возблещитъ съ такимъ сіяніемъ, съ какимъ не блискалъ еще ни одинъ на земли. »

Подъѣхавши къ хижинѣ, остановились. Мысли о смерти, вѣчности и спасеніи при взглядѣ на домъ, въ которомъ умирала истинно вѣрующая, занимали мой разумъ. —

Увѣренъ будучи, что такѣвы-же мысли занимали сердце моего товарища.

Ни одного живаго существа не было видно, кромѣ собаки молочника, въ молчаніи бѣжавшей къ ворошамъ; въ эпотъ разъ она не лаяла, шакъ какъ случилось прежде сего; — казалось, что и она принимала участіе въ чувствахъ скорби ея хозяевъ, и не хотѣла податъ преждевременно печальнаго извѣспія. Она бѣжитъ къ калишкѣ садика, смотришь на хижину, и какъ будто зная, что въ ней царствуетъ глубокая горестъ; хотѣла, казалось, произнести, войдише по тихоньку въ эпотъ печальной домъ, потому что сердце хозяина объято горестію.

Солдатъ привязаль мою лошадь подъ сараемъ.

Повсюду царствовало глубокое молчаніе; токмо свистъ въпра, раздававшася между двумя большими орѣховыми деревьями, расшущими подлѣ хижины, прерываль оное. Казалось, что и онѣ выпускали жалобные стоны. Отворяемъ дверь, — показалось, что въ ней все было пусто — все погружено было въ глубокое молчаніе. — Мы входимъ.

« Вошь онъ! (сказаль отецъ) Вошь онъ!»

Онъ встрѣшилъ насъ на лѣстницѣ; — я подаль руку, не говоря ни слова. Вошедши въ хижину, видимъ, что добрая спаруха съ сыномъ своимъ поддерживаютъ возлюбленную нашу Елисавешу. Невѣстка ея

сидишь у окошка, держишь на руках ребенка и проливаетъ горькія слезы. Трое или четверо изъ ихъ знакомыхъ, стояли въ готовности исполнить все то, чего только потребовалъ бы домъ дружбы и необходимости.

Я сѣлъ подлѣ кровати. Мать никакъ не могла плакать; но по временамъ выпускала тяжкіе вздохи, бросая попеременно взоры свои то на Елисавету, то на меня. Ручьи слезъ, текущихъ по щекамъ ея брата, свидѣтельствовали о его печали. Добрый старецъ стоялъ у кровати опершись на столбъ, и не могъ отвести глазъ съ любезной своей дочери, съ кою ему скоро надлежало проспиться.

Глаза у Елисаветы были закрыты — она не могла меня видѣть. На блѣдномъ и сухомъ ея лицѣ, сіяли миръ и величіе.

Солдатъ послѣ нѣкотораго молчанія открылъ Библию, и не говоря ни слова, указалъ мнѣ на одинъ стихъ. — Тутъ я прервалъ молчаніе и началъ читать. (1 Кор. XV. 55, 56 и 57.)

При сихъ словахъ глаза больной открылись; лучъ небесный блеснулъ на лицѣ ея, когда произнесла она: Побѣда чрезъ Господа нашего Иисуса Христа!

Потомъ замолчала, не оказавъ ни малѣйшаго вниманія къ предстоящимъ.

« Хвала Всемогущему! Въра торжествуетъ! » сказала я. — « Аминь! » сказала солдатъ.

Молочникъ воздвѣвъ глаза на небо, даль почувшвовашъ, что слово: Аминь! было у него въ сердцѣ, хотя уста его и не могли произнести сего.

Умиращая, послѣ нѣкоторыхъ усилий вздохнуть, успокоилась. Туть я сказала:

« Любезная моя! чувствуешь ли ты, какая сила тебя поддерживаетъ? »

« Господь, отвѣчала она, милосивъ ко мнѣ! »

« Теперь обѣщаны Его не драгоценныя для тебя? »

Сказала она: *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей, и въ томъ Аминь: Богу къ славу нами.* (2 Кор. 1. 20.)

« Болѣзнь очень беспокоитъ тебя! »

« Такъ мало, что я почти и не чувствую! »

« Сколь милосердъ Господь! »

« И сколь я шого недостойна. »

« Ты скоро узришь Его. »

« Думаю... надѣюсь... и кажешся что скоро. »

Послѣ того, пребыла она корешкое время безмолвна.

« Я посмопрѣлъ на ея мать, и сказала: Какое счастье имѣть чадо, шоль достойное наслѣдовашъ небесное блаженство! »

« И какое бѣ счастье, отвѣчала она залившись слезами, ешьлибъ бѣдная старуха, мать ея, могла послѣдовашъ за нею! Ахъ, М. Г.! сколь горешна разлука! »

« М. Г.! сказалъ молочникъ, сія — по мысль подкрѣпляетъ меня. Теперь съ помощію Божіею я чувствую себя болѣе преданнымъ Ему! »

« Опець мой, мать моя, сказала Елисавета собравшись съ силами, Онъ ко мнѣ милосердъ — предайтесь въ Его волю и хвалите имя Его во вѣки. »

« М. Г.! прибавила она ослабѣвающимъ голосомъ, благодарю васъ за всѣ ваши благодарѣнія... прошу новой вашей милости: вы погребали мою сестру — погребите и меня. »

« Все будетъ по твоему желанію, естли Господь благословитъ, отвѣчалъ я. »

« Благодарю васъ, М. Г.! благодарю васъ... Вотъ еще моя къ вамъ покорнѣйшая прозьба: когда не будешь меня на свѣтѣ, то не забудьте моихъ родителей; они уже стары; но я уповаю, что они начали возрождаться... молитвы мои услышаны... Прошу васъ навѣщать ихъ... не могу много говорить, но прошу за нихъ »....

« М. Г.! Помните объ нихъ! »

Въ это время добрые старцы воздыхали, и заливаясь слезами, и какъ ни старались но не могли выговорить ни слова.

Наконецъ я сказалъ Елисаветѣ: « Не имѣешь ли ты какихъ нибудь сомнѣній и искушеній о своемъ спасеніи? »

« Никакихъ, М. Г.! Господь призываетъ меня во благости и успокоиваетъ меня! »

« Какое понятіе имѣешь ты о мрачной долинь смерти, копорую ты пройти должна будешь? »

« Она для меня со всѣмъ не мрачна. »

« Какъ же это? »

« Господь Спаситель мнѣ свѣтильникъ въ оной! »

« Не спрашишься ли ты еще какихъ нибудь спраданій? »

« Господь милосердь, на Него возлагаю я мою надежду! »

Тутъ сдѣлались съ нею конвульсіи, и когда оныя миновались, то она повторила нѣсколько разъ слѣдующія выраженія:

« Господь во благоспи призываетъ меня. Господи! я созданіе Твое, спаси меня! Божественный Иисусе! драгоценный Спасителю! кровь Твоя очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ. Кто насъ разлучишь? . . . . Имя Твое дивно! слава Всевышнему! — Онъ низпосылаетъ намъ побѣду! . . . я спасена!.. О мудрая благоспъ! Господи! пріими духъ мой! — М. Г.!.. нѣжный отецъ! нѣжная мать! друзья мои! я васъ оспаляю. . . . Но слава Богу, слава Богу! »

Она обезпамятѣла. — Мы спали на колына и молились. . . . Господь былъ посредь и благословлялъ насъ.

Послѣ шого она уже не приходила въ себя и не произнесла ни одного слова. Около двухъ часовъ пробыла она въ бездамятствѣ, и пошомъ спокойно заснула.

въ объятіяхъ Всемогущаго , Кошорый съ милосшію воззвалъ ее къ Себѣ.

Спустиа часъ послѣ шого, какъ она замолчала, я оставилъ домъ ея; уходя, пожалъ ея руку, проснилъся съ нею и сказалъ: « Христось Воскресеніе и жизнь! » Тихо пожала она у меня руку; глаза ея были закрышы.— Она не могла больше отвѣчать мнѣ.

Ни одна сцена, прежде сего мною видѣнная, не произвела, во мнѣ сполько впечатлѣній, какъ сія. Воображеніе мое безпрестанно занималось ею.— Я возвратился домой.

Прости! (сказалъ я самъ въ себѣ) прости, любезный другъ! до шого вѣчнаго упра, когда мы обновимся и паки увидимся. Ты головня, изпоргнушая изъ пламени! возблисшаешь яко звѣзда въ непресшупномъ свѣшѣ! я видѣлъ блескъ швой, дѣла швои.— И благословеніе Бога, Ошца человѣковъ! въ швоемъ примѣрѣ я зрѣлъ, чшо шакое грѣшникъ спасаемый благодапію; въ тебѣ яко въ живомъ зеркалѣ видѣлъ я шого, кошорый начинаешь, производишь и совершаешь швореніе вѣры и любви! Исусъ ешь и будешь вездѣ Сый; Ему честь, слава и поклоненіе! Онъ заслужилъ вѣнецъ славы.— Оаъ Единъ достойнъ имѣть его на главѣ Своей. Прости любезная во Христѣ сестра! ягъло и духъ швой могушь придти въ изнеможеніе, но Господь да подкрѣпишь шебя, и да будешь Онъ помощникомъ швоимъ во вѣки!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Кто можешь изобразить или опредѣлить сущность той перемѣны, которая должна неминуемо случиться съ душою благочестивою, когда она оставя бременное плѣло является предъ Престоломъ Вездесущаго? Еслили здѣсь еще глазамъ вѣрующаго Божественная любовь и мудрость являющіяся столь возхитительными когда зришь ихъ сквозь мракъ и шѣни, сколь неизреченно болѣе долженъ восхищаться видъ оныхъ во всемъ величїи Бога! Столь великое преимущество здѣсь, что бываемъ сопричастниками Святыхъ, и пользуемся спасительными совѣтами отъ шѣхъ, кои подобно намъ, идутъ въ предѣлы небесныя, чего - то не должны мы надѣяться увидѣшь и познать, когда наконецъ достигнемъ мы Сїона града Господня Иерусалима, и когда съ сообществомъ Ангеловъ будемъ мы ликовать въ храмъ Его вмѣстѣ съ шѣми, коихъ имена споятъ предъ лицемъ Бога, Судїи всего мїра, и между шѣми, кои содѣлались праведными и предъ лицемъ Иисуса, Посредника новаго союза.

Ежели послѣ, странникамъ сей юдоли смершной, воздыханїя и слезы утѣшенїя Св. Духа столь драгоценны, и надежды наслѣдовашь безсмертїе столь оживляетъ и

ушѣшаетъ душу: по какой умъ опредѣлить можетъ, и какой языкъ можетъ выразить степень ея радости, когда достигнешь она того мѣста, гдѣ нѣтъ уже печалей и воздыханій, и гдѣ слезы не текутъ болѣе?

Съ эними — по мыслями приближился я къ дому, въ которомъ пригошлялись къ выносу шѣла дочери молочника.

« Вскорѣ послѣ того, какъ я съ ней простился, испустила она послѣдній свой вздохъ. Они взяли позволеніе такъ какъ и прежде во время погребенія сестры ея, чтобы я былъ дѣйствующею особою и на ея похоронахъ. Множество мыслей усладительныхъ, и вмѣстѣ печальныхъ, возродились при исполненіи сей обязанности, когда я представилъ въ памяти моей частые и важные ея со мною разговоры, и когда вспомнилъ, что я больше уже не услышу ихъ размышленія о прекрасныхъ и назидательныхъ свойствахъ Христіанской дружбы, гдѣбъ они ни были: въ великолѣпныхъ чертогахъ, или подъ кровлею бѣдной хижины, заставили меня благословлять мой жребій, вообразивъ, что я долгое время наслаждался эшимъ преимуществомъ въ обществѣ той особы, которая составляетъ предметъ предаваемый мною потомству. Тутъ невольный вздохъ излетѣлъ изъ груди моей; я уже не слышу болѣе шѣхъ высокихъ Христіанскихъ испинъ, кои изливались изъ устъ той особы, которая

въ шакомъ изобиліи почерпала оныя изъ иссточника жизни; но сіи движенія моего сердца укрощены были слѣдующею усладительною мыслію: она воспарила къ вѣчному покою! И такъ должно ли желать, чтобы она паки возвратилась въ сію плачевную юдоль?»

Первый звонъ печальнаго колокола раздался въ моемъ слухъ; — онъ слышанъ былъ въ церкви одной деревни, лежащей въ долину, копорую провѣзжалъ я. — Это былъ погребальный звонъ — вѣстникъ похоронъ Елисаветиныхъ.

Это былъ звонъ, внушающій чувства благоговѣнія. Гористая дорога, по копорой онъ слышанъ былъ, придавала ему звукъ со всѣмъ необыкновенный, и онъ былъ самый медленный (какъ обыкновенно бываетъ за часъ и болѣе прежде погребеній). Казалось, что въ одно время возвѣщаль онъ и счастье того, который испускаетъ духъ о Господѣ, и то сколь достойно человекъ хранить его въ сердцѣ. Казалось, что онъ выражалъ: Внимай зовущему тебя гласу, о смертный! Одинъ шокмо шагъ отдѣляетъ тебя отъ могилы! Пробудись и изготовь себѣ жилище; ибо настанетъ время, что и ты сойдешь въ могилу.

Мѣстоположеніе совершенно соотвѣтствовало тому спокойствію разума, которое шоль свойственно при духовныхъ размышленіяхъ. Богатая и плодоносная долина, лежащая на покашомъ холму, была

со всѣхъ сторонъ окружена полями и лугами, на кошорыхъ маленькая рѣчка образовала множество прекрасныхъ видовъ; различныя живошныя покрывали берега ея. Съ долины представлялся хребешъ горъ, верхи кошорыхъ шакже покрышы были спадами. Селы, деревеньки и церкви были разсѣяны по долинѣ. Богашыя зданія дворянъ и смиренныя хижины бѣдныхъ придавали мѣсту сему почтеннѣйшій видъ. Воздухъ былъ самый пріятный; солнце сошедши съ дневной высоты своей, бросало прекраснѣйшую тѣнь и свѣтъ на холмы, но всего болѣе при семъ зрѣлищѣ занималъ мое вниманіе звонъ колокола, извѣщавшій о погребеніи дочери молочника.

Можешъ спашься кто нибудь изъ моихъ чашапелей спросишь, для чего я съ такою подробностію вхожу во всѣ обшоаяшельства сего зрѣлища? На сіе мой отвѣтъ: Богъ искупленія есть Тотъ же Богъ и созданія, и что каждое Его слово научаетъ насъ соединять удивленіе наше, произходящее при созерцаніи прелестей и дивностей Природы, совсѣмъ тѣмъ, возбуждаешъ благоговѣніе. Когда Давидъ созерцалъ небо, швореніе рукъ Всемогущаго, тогда онъ зознесся на высочайшую сшепенъ благоговѣнія предъ Творцемъ своимъ; а когда разсмапривалъ овецъ, быковъ и полевыхъ живошныхъ, пшиць воздушныхъ и рыбъ живущихъ въ море, тогда восклицалъ: о Боже! Боже! сколь дивно имя Твое по всей земли!

Я другъ бѣдныхъ, и желаю, чтобы все бѣдные работники знали, какъ соединяшь благость Божію являемую въ швореніи и Провидѣніи съ непостижимою благостію, посредствомъ которой спасаешь Онъ души грѣшниковъ. И изъ чего другаго можешь почерпнуть онъ сіи великіе уроки, какъ не изъ внимательнаго разомащиванія полей, куда его призываетъ рука его, и какъ не изъ благоговѣйнаго слѣдованія пѣмъ путемъ, на которомъ предъавляюща предъметы его созерцанію? Сіи-шо размышленія очень часто дѣлали мнѣ и пользу и ушѣшеніе; желаю, чтобы и чашатели мои возчувствовали шоже.

Вошедъ въ хижину, я увидѣлъ, что многіе друзья Христіанъ изъ разныхъ споронъ сосѣдства собирались, чтобы отдашь послѣдній долгъ почтенія и уваженія дочери молочника. Нѣкоторые изъ нихъ узнали ее не прежде, какъ въ послѣдніе дни ея болѣзни; другіе хотя не многіе имѣли съ нею съ давняго времени дружеское знакомство; но всѣ они были готовы оказашъ всѣ знаки почтенія той особѣ, копорая содѣлалась имъ шоль любезной въ разительныхъ чертахъ истинной Христіанки.

Меня просили войти въ ту комнашу, куда друзья и родственники пошли бросишь послѣдній взоръ на ошашки Елисаветы.

Не легко изобразишь чувствованія, кои ощущаешь сердце при видѣ той умершей особы, въ копорой, когда была она жива,

пидали мы почтеніе и нѣжную дружбу. Глубокія и важныя размышленія о разлукѣ души съ тѣломъ съ шого времени, когда мы въ послѣдній разъ ее видѣли занимали нашимъ разумомъ. Другъ нашъ кажется будто присутствуетъ съ нами, хотя онъ и далеко отъ насъ. Все то, что составляло наше упѣшеніе, улетаешь отъ насъ; а то, что осмается, есть ничто другое, какъ прахъ и пѣнїе, не будучи обитаемо тѣмъ, что составляло жизнь. Однакожъ наспоющія черты изображаютъ шотъ предметъ, которой занималъ насъ въ качествѣ друга. Съ первой минушы мы можемъ подумать, что онъ заснулъ; послѣ шого можемъ заключить, что кровь перестала въ немъ кругообращаться; потому что взоры его лишились способности видѣть, уши слышать, сердце биться, члены двигаться. Вскорѣ послѣ шого мысль о славѣ представляется уму, и мы воображаемъ себѣ, что душа сія, столь намъ любезная, по разлукѣ съ нами, переселилась въ жилище покоя, столь долгое время ея желаннаго. Тамъ съ сонмами Херувимовъ и Серафимовъ воспѣваетъ она пѣсни Моисея и Агнца на горѣ Сїонѣ.

Посредѣ пишины царствующей въ той комнатѣ, гдѣ лежатъ покойникъ, воображеніе слышитъ Божеспвенныя пѣсни воспѣваемыя праведниками; пошомъ сжатыя губы и впалые глаза охладѣвшаго брешаго шѣла обращаютъ наше вниманіе къ землѣ и къ себѣ собственно; и по мѣрѣ шого, какъ мы размышляемъ о брешномъ составѣ

нашемъ , о грѣхахъ , о смерти и гробѣ , ощущаемъ въ себѣ побужденіе произнести слѣдующую молишву : « О ! даруй мнѣ , да скончаю живошъ мой яко праведникъ ! даруй , чтобы кончина моя подобна была его кончинѣ ! »

Ежели есть минушы , въ которыя Христосъ и спасеніе , смерть и судъ , небо и адъ представляются въ чертахъ самыхъ разительныхъ и побуждаютъ къ Христіанскимъ размышленіямъ : то эшо сушь тѣ минушы , когда мы стоимъ подлѣ гроба , въ которомъ вмѣщается шѣло истинно благочестиваго .

Чершы Елисаветы хошя и перемѣнились , но мало . Отець ея и мать сидѣли въ головахъ у гроба , а брашь въ ногахъ . Отець въ молчаніи успрямлялъ глаза свои на умершую дочь , и потомъ обращалъ оныя къ Небу . На лицѣ его живо изображалось , сколь онъ былъ преданъ Богу ; слезы , текущія по изрытому морщинами лицу его , свидѣтельствовали печаль его и горестъ . Съшующая мать также плакала и выпускала тяжкіе вздохи ; примѣшно было , что потеря любезной дочери безмѣрно ее тягошила ; слабостъ и немощъ , сіи спутники старости , придавали печали ихъ такія свойства , кои возбуждали чувства сострадашельности .

Женщина очень благороднаго вида , кшо-рой препоручено было учрежденіе и порядокъ , вышла съ скромнымъ и тихимъ видомъ подошла ко мнѣ и сказала :

М. Г.! Эшошь день можно лучше назвашь днемъ радости, нежели печали, любезный нашъ другъ Елисавета, въ чемъ я не сомнѣваюсь, избавилась всѣхъ при-скорбій. « Не одно ли вы думаете со мною, М. Г.? »

« Послѣ всего шого, что я видѣлъ, зналъ и слышалъ, ошвѣчалъ я, остаюсь въ полной увѣренности, что шогда, какъ шѣло ее ошалось съ нами, душа ее наслаждается въ раю съ своимъ Спасителемъ, Кошораго любила она еще на земли, а переселясь на небо, она конечно наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ сущихъ одесную Его. »

« Милосердый Боже! милосердый Боже! удостой милосши Твоей бѣдное, слабое, ошягченное печалію Свое созданіе! что мнѣ дѣлать? Лизы вѣшь болѣе — она скончалась! О любезная дочь! я не увижу тебя болѣе! Господи! помилуй меня бѣдную грѣшницу! « по велицей милосши Твоей! вскричала горестная мать, заливаясь слезами. »

« Любезнѣйшая мать! сказала я ей, сїя молишва швоя соединитъ васъ. Она тысячи сопроводила въ жилище славы; она сопроводила дочь швою, и надѣюсь, что и себя сопроводитъ. Господь не опвергаетъ ни одной молишвы шѣхъ, кои желаютъ къ Нему переселиться. »

« Другъ мой! сказалъ молочникъ, превравъ молчаніе, кошорое шранилъ онъ до сей минушы, предадимъ дочь нашу и себя

Богу! Господь далъ, Господь опьяля; буди благословенно имя Господне! Мы уже шары, и намъ остаеяся крашкое время для совершенія нашего пути!» Послѣ сего онъ не могъ ничего сказать.

Солдашъ, о которомъ упомянулъ я выше сего, взялъ въ руки Библию и сказалъ: «Можешь быть не въ тягость вамъ будешь, М. Г.! прочесть одну главу до того времени, когда отправимся мы въ церковь.»

Я это исполнилъ, и прочелъ 14^ю главу изъ Иова. Тишина царшвовала, когда я читалъ. Каждая минута, проведенная нами въ сей плачевной комнатѣ, была драгоценна. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на главу прочитанную мною, и приоровилъ къ обстоятельству умершей любезной нашей сестры!

«Я ничто, какъ бѣдный солдашъ, сказалъ нашъ воинъ, и не имѣю другаго блага, кромѣ моего опечесства; однакожь не желаю промѣняшь надежду на спасеніе въ будущей жизни на все, чтобы ни давало мнѣ мое опечесство. Къ чему служить богатство безъ благочестія? Благословенъ Господь! Я перехожу изъ одного мѣста въ другое и повсюду обрѣшаю Господа! Буди имя Его благословенно во вѣки! Онъ здѣсь между нами живыми и умершею. Ахъ! какъ здѣсь прекрасно!

И другіе также изъ гостей приняли самое живое участіе въ разговорѣ о жизни и достоинствахъ дочери молочника. Каждой

изъ друзей имѣлъ кое-что свидѣтельство-
вать о ея превосходныхъ качествахъ. Даль-
ная родственница, молодая женщина не
болѣе двадцати лѣтъ, которая прежде была
вѣтрена и предана суешамъ міра, была
также очень разстрогана повѣствованіемъ ;
я имѣю причины думать, что съ того
времени благодать начала на нее дѣйстви-
вать, какъ избрала она ее себѣ въ зна-
комство — знакомство лучшее, спаси-
тельное !

Какую противуположность предста-
вляетъ сіе зрѣлище, есѣли начнемъ мы
сравнивать его съ гордымъ и пышнымъ
образомъ погребеній совершаемыхъ надъ
нѣкоторыми покойными !

Разговоръ нашъ, казалось, оживотворялъ
старцовъ ; — онъ до глубины прогаль ихъ
сердца. Дочь ихъ, казалось, оживала во
время нашихъ разговоровъ. Частю улыбка,
смѣшанная со слезами, блистала у нихъ на
лицѣ когда голосъ дружбы превозносилъ
дочь ихъ похвалами, или лучше сказать,
благословлялъ Того, Кто низпослалъ ей
чашу милосердія, и содѣлалъ ее орудіемъ
для произведенія шогкихъ благъ душевныхъ
въ ея семействѣ.

Часъ илпи въ церковь приближился.

Я пошелъ посмотрѣть въ послѣдній разъ
умершую : — лице ея выражало много. На
немъ казалось какъ улыбка, доказывающая,
что спокойно оставила сію плачевную
юдоль. Слѣдуя обыкновенію той страны,
гробъ дочери молочника украшенъ былъ

лиспьями и цвѣтами, кошорые напомнили миѣ ту блаженную страну, гдѣ благоухаютъ цвѣты безсмершныя, гдѣ души никогда не умираютъ и наслаждаются вѣчнымъ покоемъ.

Я вспомнилъ послѣднїя ея слова мною слышанныя — вспомнилъ и былъ шронупъ сею усладительною мыслию; она побѣдила смерть!

Я вѣхаль пихо, и говорилъ самъ себѣ: « Миръ паятпи и душѣ швоей, моя любезная почтенная сестра, до шого времени, когда увидимся мы въ лучшемъ мїрѣ! »

Спуспя нѣсколько времени, начался ходъ. Всего больше придавало величїя выносу сему то; что особы, ея сопровождавшїя, были отличны по своей набожности и Религїи. Надлежало пройпи болѣе мили. — Я разсудилъ слѣдовать за ними, пошому что они шли медленно.

За гробомъ шли ея родители; почтенная согбенная шжестїю лѣшь сїя чепа проливала источники слезъ душевнаго прискорбїя. Наружность ихъ весьма способствовала къ возбужденїю чувствъ благоговѣнїя и почтенїя. Прочїе родшвенники и друзья сопровождали умершую.

Пройдя шаговъ сто, размышленїе мое внезапно къ упѣшенїю было прервано пѣнїемъ погребальныхъ стиховъ, кои начали пѣть друзья сего семейства. Ничто не могло равняться съ эшою унылостїю и великолѣпїемъ. Звуки музыки въ особенности были слышны.

Мы проходили мимо многихъ хижинъ. — Повсюду примѣпно было почтенное молчаніе, и уваженіе оказываемое къ молодой покойницѣ изображалось на лицѣ каждаго. Божественныя пѣсни во все продолженіе хода не умолкали долѣе, какъ на пять минутъ.

Не могу выразить, въ какомъ душѣ моя находилась состояніи при слушаніи сихъ пѣсней!

Зрѣлище сіе не могло ли возбудить благоговѣніе и внушить уваженіе къ закону.

Наконецъ мы пришли въ церковь. Во время службы царствовало глубокое, исполненное горести, молчаніе. Когда пришли къ могилѣ, шупъ пѣли пѣнныя молитвы, кои обыкновенно поются. Все было просто и благоприсойно; все оживлялось усердіемъ и набожностію. Мы предали землѣ пѣло нашего нѣжнаго друга, въ полной надеждѣ славнаго воскресенія.

Такимъ-то образомъ свершилось временное разлученіе наше! Она оставила свѣтъ — мы ее уже не видимъ! Но въ послѣдній день узримъ мы ее одесную Искупителя, и она послѣдуетъ Ему въ царство вѣчнаго блаженства; какъ чудо благодати и знаменіе Божественной премудрости.

Любезный чашатель! бѣдный ты или богатый! ты и я будемъ поже; но одѣш ли мы въ ризу смиренія? Носимъ ли мы неплѣнную одежду милости Искупителя? Отреклись ли идоловъ для служенія живому Богу? Признали ли мы свое ничтоже-

спво и слѣдуемъ ли за Спасителемъ, дабы получить Его благодать и силу? Жили ли мы въ Немъ? отъ Него, чрезъ Него, а съ Нимъ? Онъ ли единственнымъ нашимъ предметомъ? и чувствуя гибель свою, молимся ли Ему?

Бѣдный чипашель! дочь молочника была бѣдная служанка и дочь бѣднаго поселенина. — Въ эшомъ случаѣ ты имѣешь съ нею сходство; но уподобился ли ты ей такъ, какъ уподоблялась она Христу Спасителю? Богатъ ли ты вѣрою? Изготовилъ ли себѣ вѣнецъ? Сердце швое плѣнялось ли красотою небесными? Ежели нѣтъ, шо прочти еще разъ эту повѣсть, и усердно молись о писпосланіи тебѣ драгоценной вѣры какъ и Елисаветъ! Есшьли же ты, по благости Господней любишь и служишь Искупителю, Кошорый спасъ дочь молочника, да будущъ съ тобою Его благодать и милосердіе! Ежели эша повѣсть сдѣлаешь на себя впечатлѣніе, ты достигнешь счастливаго наслѣдія. Пospѣши исполнять свои обязанности! положишь на Господа! и въ шerpвннн стязай душу швою. Ты былъ со мною подлѣ могилы благочестивой; шеперь продолжай путь свой и надѣйся наслѣдовашъ царство вѣчной славы.

К О Н Е Ц Ъ.